

ФИЛИП
ХИТТИ

ИСТОРИЯ СИРИИ

Древнейшее государство
в сердце Ближнего
Востока

Филип Хитти

**История Сирии. Древнейшее
государство в сердце
Ближнего Востока**

«Центрполиграф»

1951

УДК 94(394)
ББК 63.3(5Сир)

Хитти Ф. Х.

История Сирии. Древнейшее государство в сердце Ближнего Востока / Ф. Х. Хитти — «Центрполиграф», 1951

ISBN 978-5-9524-5661-7

Древняя земля царей и пророков, поэтов и полководцев, философов и земледельцев, сокровищница мирового духовно-интеллектуального наследия, колыбель трех мировых религий и прародина алфавита. Книга Филипа Хитти, профессора Принстонского и Гарвардского университетов, посвящена истории государств Плодородного полумесяца – Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании с древнейших времен до середины XX века. Профессор Хитти рассматривает историю региона, опираясь на изыскания археологов и антропологов, анализируя культуру и религиозные воззрения населявших его народов, а также взаимоотношения с сопредельными государствами. Издание как никогда актуально в связи с повышенным вниманием к Сирии, которая во все времена была средоточием интересов мировой политики. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(394)
ББК 63.3(5Сир)

ISBN 978-5-9524-5661-7

© Хитти Ф. Х., 1951
© Центрполиграф, 1951

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	36
Часть вторая	42
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Филип Хитти
История Сирии. Древнейшее
государство в сердце Ближнего Востока

*Моей жене, неизменно поддерживавшей меня на протяжении всех
долгих лет упорного труда над этой книгой*

PHILIP K. HITT

HISTORY OF SYRIA
INCLUDING LEBANON AND PALESTINE

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2022

Предисловие

История Сирии, если брать это понятие в географическом значении, в каком-то смысле представляет собой историю цивилизованного мира в миниатюре. Это срез истории региона, где зародилась цивилизация и оформилась значительная часть нашего духовно-интеллектуального наследия. Для того чтобы оценить ее по достоинству, нужно не только владеть древнесемитскими языками и разбираться в средневековой арабской литературе, но и ориентироваться в греко-римской истории, в турецкой и персидской областях – не говоря уж о современных западноевропейских языках и историческом материале.

Автор ни на что подобное не претендует. В своих научных занятиях он ограничился семитской темой, а в исследованиях – арабской и исламской. Однако его поразил тот факт, что, несмотря на существование огромного множества монографий об отдельных областях Сирии или отдельных эпохах ее долгой и пестрой истории, практически нет таких трудов, которые представляли бы сбалансированную и исчерпывающую картину жизни всего этого региона как единого целого, начиная с древнейших времен и заканчивая современностью, и он рискнул попытаться исправить этот недостаток. Надо помнить о том, что ни ливанских финикийцев, ни палестинских евреев, ни дамасских арабов, притом что всем им посвящены исторические исследования, невозможно понять в полной мере, если не рассматривать их в качестве составных частей народа Большой Сирии на общем фоне современной им ближневосточной культуры.

Задача оказалась далеко не простой. Как, двигаясь по лабиринту, удержать в руке золотую путеводную нить, протянув вдоль нее хронику важнейших событий в жизни этой страны, обычно выступавшей в роли придатка других государств? Это уже само по себе представляло немалую проблему. Просеять весь багаж известных данных, взять из него главные элементы, определить, насколько они актуальны, и изложить весь этот массив фактов в виде связного повествования – тоже дело нелегкое. И если результат, не претендующий на оригинальность и отнюдь не исчерпывающий, удовлетворит имеющуюся потребность в легко читаемом, не перегруженном подробностями, однако достоверном рассказе об истории народов Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании, и притом послужит в качестве общего фона для понимания множества сложнейших вопросов, связанных с формированием национальных общностей в этих регионах, то труд автора будет не напрасен.

Ни в один другой период существования региона, о котором будет говориться в этой книге, его история – включая археологию, антропологию, религию, литературу, экономику и политику – не изучалась и не исследовалась так интенсивно, как в последние годы. Этим международным вниманием он обязан своей связью, как и всего Ближнего Востока, частью которого он является, с центром мировой политики. За его изучение взялась новая поросль местных ученых, получивших западное образование, а также американские и европейские студенты и преподаватели.

При подготовке данного издания автор воспользовался всем, что могли дать ему плоды этих новых исследований.

Часть первая

Дописьменная эпоха

Глава 1

Место в истории

Сирия занимает уникальное место в мировых анналах. Ни одна другая страна не внесла столь же значительного духовно-интеллектуального вклада в поступательное развитие человечества, как она, особенно если включать в ее древние границы Палестину и Ливан. Возможно, это самая важная из небольших стран, существующих на карте мира, микроскопическая по размеру, но космическая по своему влиянию.

Будучи колыбелью иудаизма и местом рождения христианства, она подарила цивилизованному миру две монотеистические религии и долго была тесно связана со становлением и развитием третьей и единственной из остающихся – ислама. Взгляд христианина, мусульманина и еврея, в каком бы месте мира они ни стояли, всегда обращен к той или иной святыне в Сирии, в которой они ищут религиозного вдохновения, куда они идут за духовным напутствием. Любой житель Запада может считать своей родиной две страны: ту, где живет, и Сирию.

С религиозной ролью Южной Сирии тесно связано ее этическое учение. Ее народу суждено было первым провозгласить доктрину о том, что человек создан по образу Божьему и что человек человеку брат по единому отцу – Богу, и тем самым была заложена основа демократического образа жизни. Сирийцы первыми поставили во главу угла духовные ценности и поверили в окончательную победу сил праведности, тем самым став моральными учителями человечества.

Эти древние сирийцы не только подарили миру его самую прекрасную и возвышенную идею, но и воплотили ее в действительность при помощи тех простых на первый взгляд, но поистине волшебных знаков, благодаря которым удалось запечатлеть большинство важнейших литературных произведений человечества. Ни одно другое изобретение не сравнится по своему значению с алфавитом, придуманным и распространенным древними ливанцами. Именно у финикийцев, или ханаанеев, как они сами называли себя, греки на Западе переняли свои буквы и передали их римлянам, а через тех и всем современным народам Европы, а на востоке их алфавит заимствовали арамеи и передали арабам, персам, индийцам и другим народам Азии и Африки. Если бы даже сирийцы не сделали для мира ничего другого, одной этой заслугой было бы достаточно, чтобы отвести им особое место в ряду величайших благодетелей человечества.

Но этим их вклад не ограничился. На узкой полосе земли, принадлежавшей им, уместилось больше исторических и культурных событий, разнообразных и динамичных, чем, может статься, в любой другой местности аналогичного размера, – событий, которые повторили в истории Сирии-Палестины всю историю цивилизованного мира в миниатюре. В эллинистический и римский период сыны этой земли подарили античному миру некоторых его ведущих мыслителей, учителей и историков. Некоторые основатели стоицизма и неоплатонизма происходили из Сирии. Одна из величайших школ римского права процветала в ливанском Бейруте, и несколько ее профессоров воплотили свои юридические принципы в Кодексе Юстиниана, по праву считающемся величайшим даром римского гения будущим поколениям.

Вскоре после распространения ислама столица Сирии Дамаск стал главным городом прославленной империи Омейядов, чьи халифы довели свои завоевания до самой Испании и Франции с одной стороны и до Индии и китайских границ с другой, – империи, которая в своем зените превосходила Римскую. Во всем этом обширном регионе слово дамаскского халифа было

законом. Вместе с последовавшим затем халифатом Аббасидов со столицей в Багдаде арабский мир вступил в эпоху активной интеллектуальной деятельности, в том числе осуществил беспрецедентный в истории перевод массива литературы с греческого языка. В то время греческие взгляды и философия были важнейшим достижением, которое классический мир оставил Средневековью. Ведущую роль в процессе этой передачи греческой науки и мысли сыграли сирийцы-христиане; их сирийский язык послужил промежуточной ступенью, через которую греческие идеи оформились на арабском языке.

В Средние века Сирия стала сценой одной из ярчайших драм в анналах контактов между мусульманским Востоком и христианским Западом. Орды крестоносцев из Франции, Англии, Италии и Германии хлынули на приморские равнины Сирии и нагорья Палестины, в поисках мертвого Христа, которым не обладали как живой реальностью. Так зародилось движение, имевшее далекоидущие последствия и для Европы, и для Азии. Однако крестовые походы были всего лишь эпизодом в долгой и пестрой военной истории этой земли, которая по причине того, что находилась у самых врат Азии, в месте встречи разных народов, постоянно оставалась международной ареной военных действий во времена вражды и торговой артерией во времена мира. Какая еще страна, кроме Сирии, может претендовать на то, что воочию узрела столь же блестящую плеяду воителей и завоевателей мира, начиная с Тутмоса, Навуходоносора, Александра Македонского и Юлия Цезаря, продолжая Халидом ибн аль-Валидом, Саладином и Бейбарсом и заканчивая Наполеоном?

Народ этой страны после векового затмения при турках и мамлюках стал интеллектуальным лидером арабского Востока. Сирийцы, в частности ливанцы, первыми в XIX веке установили важнейшие контакты с Западом благодаря образованию, эмиграции и путешествиям и таким образом стали посредниками, через которых европейское и американское влияние проникло на Ближний Восток. Их современные диаспоры в Каире, Париже, Нью-Йорке, Сан-Паулу и Сиднее являются живыми памятниками трудолюбию и смелой предприимчивости.

Своим историческим значением Сирия обязана не только уникальному вкладу в возвышенные понятия о жизни человека. Отчасти оно объясняется ее стратегическим положением между тремя историческими частями света – Европой, Азией и Африкой – и ее ролью в качестве моста, по которому распространялось культурное влияние из соседних центров цивилизации, а также перемещались коммерческие товары. Эту функцию прекрасно иллюстрирует деятельность финикийцев, которые первыми стали вести международную торговлю. Находясь в сердце Ближнего Востока, который и сам находился в центре Древнего мира, Сирия искони играла роль носителя древней культуры. По одну ее сторону протянулась долина двух рек, по другую – долина одной реки. Никакой другой регион не может состязаться с этими тремя по древности, активности и преемственности. Именно здесь забрезжил рассвет последовательной истории. Здесь мы наблюдаем более или менее одни и те же народы на протяжении пятидесяти или шестидесяти веков непрерывного исторического процесса. Их цивилизация не прерывалась с 4-го тысячелетия до н. э. Ранняя культура Европы, как нам теперь известно, долгое время оставалась лишь бледным подобием этой цивилизации Восточного Средиземноморья. И как мы сейчас начинаем узнавать, некоторые основополагающие элементы древнекитайской цивилизации, по-видимому, тоже проникли в Китай через восточный рог Плодородного полумесяца.

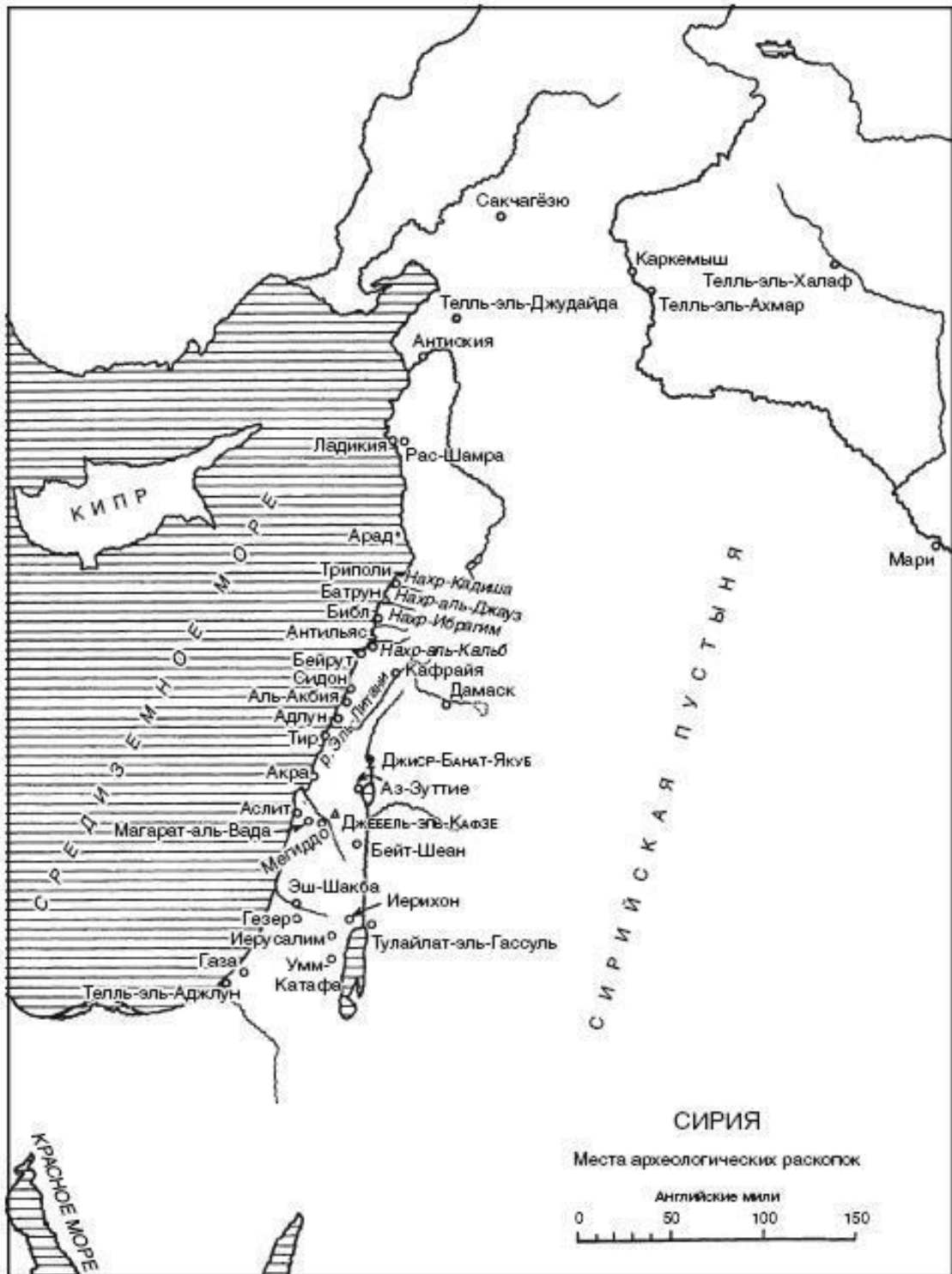
Даже в доисторический период Сирия, как стало недавно известно в результате археологических изысканий, представляла большую важность в качестве вероятного места, где впервые была окультурена пшеница, открыта медь, изобретена керамика, что позволило местным жителям перейти от охотничьего и кочевого образа жизни к оседлому и сельскохозяйственному. Следовательно, оседлая жизнь в деревнях и городках могла появиться в этом регионе раньше, чем во всех иных известных нам местах. А еще раньше, как мы узнаем из следующей

главы, он, возможно, стал колыбелью одного из наших непосредственных предков – формирующегося *Homo sapiens*.

Глава 2

Культурный фон: каменные орудия

Как у айсберга видимая над поверхностью воды часть составляет лишь малую долю всей его громады, так и в истории Сирии и сирийцев письменный период составляет всего лишь малую долю целого. Письменная история этой страны началась на рассвете 3-го тысячелетия до н. э. вследствие изобретения письма в двух соседних колыбелях цивилизации – нижней Месопотамии и Египте – и его распространения оттуда. Дописьменный период, в своих знаниях о котором мы вынуждены полагаться лишь на археологические находки, а не рукописные хроники, уходит через неолит (новокаменный век) в палеолит (древнекаменный век) на десятки тысяч долгих лет. Проведенные раскопки в дотолем не исследованных пустошах Северной и Восточной Сирии, в пещерах Ливана, курганах Палестины и занесенных песком городах Трансиордании раскрыли перед нами секреты давно забытых цивилизаций. Они не оставляют никаких сомнений в том, что этот пренебрегаемый археологами и малоизвестный регион в самой глубокой древности стоял на куда более высокой ступени развития, чем мы подозревали до сих пор.

Если мы попытаемся составить некоторое первое представление о человеке в этом регионе, нам не удастся запечатлеть его как личность, однако его следы мы можем различить в форме каменных орудий, найденных в пещерных отложениях или на поверхности, рассыпанных, словно визитные карточки, по обширной области. Эти орудия и инструменты представляют собой грубо оббитые или неровно отщепленные куски кремня, которые использовались в качестве топориков, скребков или резачков и относятся к концу раннего палеолита, ко времени

примерно 150 тысяч лет тому назад¹. Древнейшее установленное орудие, изготовленное первобытным человеком в этом районе, – кулачный топорик, состоявший из кремневой сердцевины, оббитой таким образом, чтобы его легко было держать в руке и использовать для рубки или резания. Более древних инструментов более грубого типа, относящихся к эолитам («рассветные камни»)², которые можно было бы уверенно определить как орудия, не было найдено. Дело в том, что такие изготовленные человеком орудия очень трудно отделить от естественных обломков камней. А ветви или иные куски дерева, которые первобытный человек мог использовать в тот период или раньше, в силу самой своей природы не могли оставить легко обнаруживаемых следов.

К числу пещер в Ливане и Палестине, где найдены и изучены палеолитические артефакты, относятся Адлун³, гора Кармель⁴, Умм-Катафа⁵ и Эль-Зуттие⁶. Ручные топоры, принадлежащие к тому же широкому периоду, найдены в том числе в ложе реки Иордан (ниже Джиср-Банат-Якуба) и в Рас-Шамре, древнем Угарите. Топоры имеют треугольную или яйцеобразную форму и более тщательно обработаны, чем кулачные топоры.

¹ Соответствует ашельской культуре в Европе, называемой так по стоянке во Франции, типичной для данной культуры. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

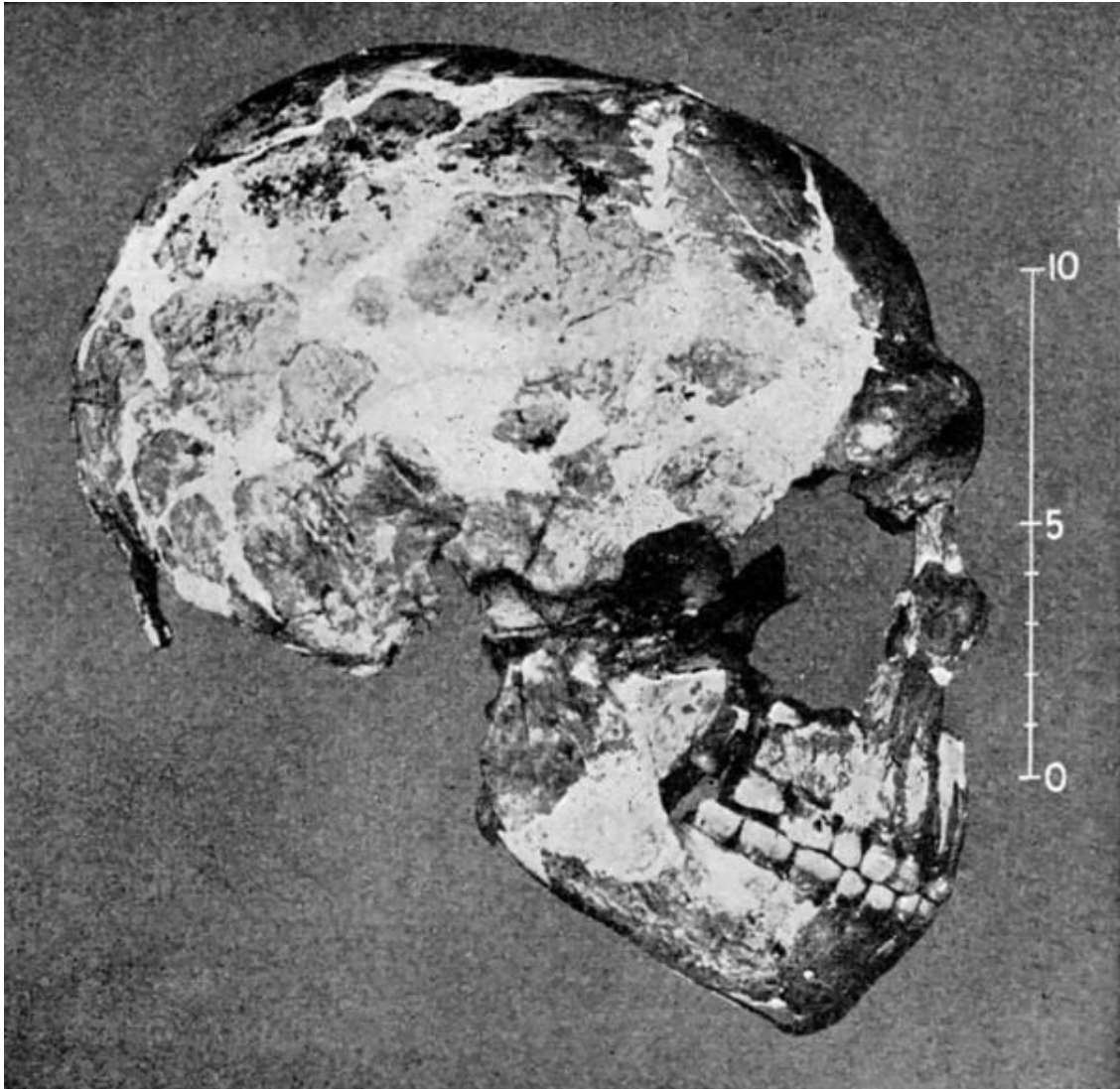
² Эолиты – естественные осколки камня, принимавшиеся археологами XIX в. за древнейшие каменные орудия. (Примеч. пер.)

³ На полпути между Сидоном и Тиром. Эта и другие пещеры близ рек Нахр-Ибрагим, Нахр-аль-Кальб и Антильяс исследованы Г. Зюмоффеном.

⁴ Раскопки проведены в 1929–1934 гг. Дороти Э.Э. Гаррод и Доротеей М.Э. Бейт.

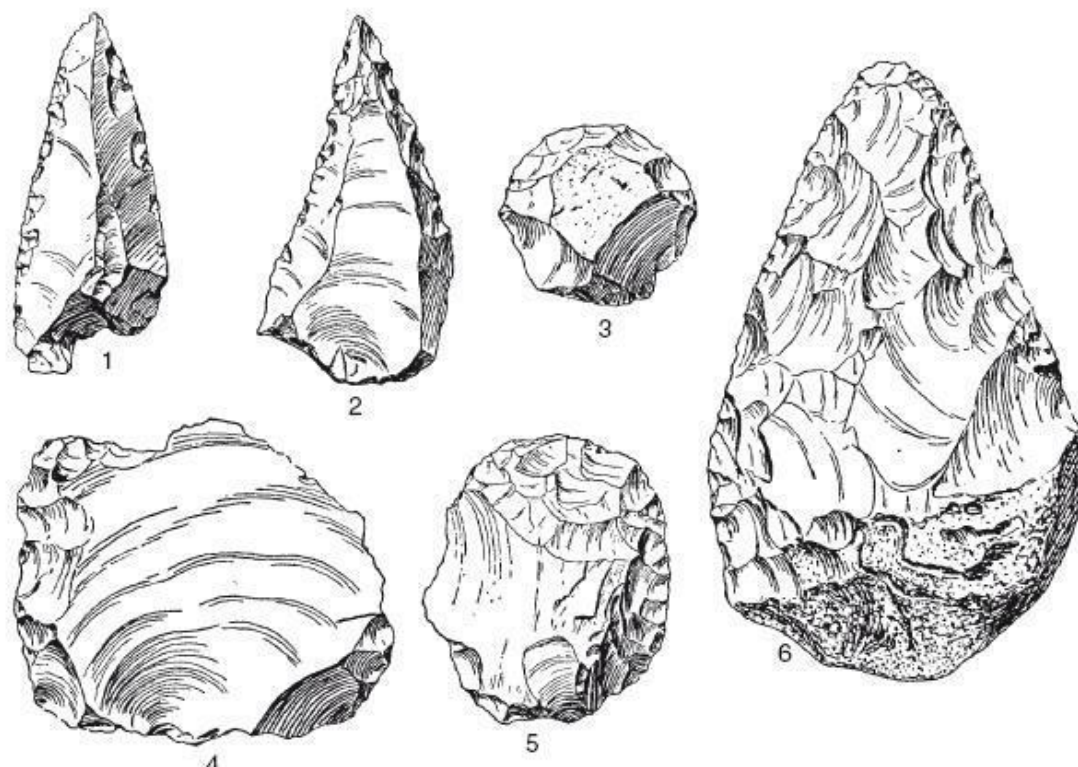
⁵ На северо-западе от Мертвого моря. Исследовал Рене Невилль.

⁶ На северо-западе от Галилейского моря. Исследовал Ф. Турвилль-Петр.

Череп, найденный в Магарат-ат-Табун; вид сбоку справа

Люди, оставившие нам эти каменные следы своего существования, предположительно были первобытным и неспециализированным видом белого человека, чья культура до сих пор не дифференцирована от других. Они, по крайней мере иногда, селились в пещерах для защиты от дождя, диких зверей и врагов, а также потому, что в еще более раннее время суровость климата принуждала их к такому образу жизни. Хотя ледниковый покров не добирался так далеко на юг, до самой Сирии, он не мог не сказаться на ее климате. В конце раннего палеолита наступила плювиальная климатическая фаза – дождливая, сырая, тропическая – с фауной, к настоящему времени почти полностью вымершей, которая широко распространилась среди пышной зелени. Среди найденных останков животных присутствуют кости носорогов, гиппопотамов и слоноподобных животных. В то же время Европа страдала от лютых зим ледникового периода, что позволило Ближнему Востоку рано вступить на путь развития человечества.

Орудия из Магарат-эс-Скул, нижний мустье:

1 и 2 – треугольные отщепы; 3, 4, 5 – ядрища; 6 – кремьнь

Древнейшие сохранившиеся остатки человеческих скелетов на Ближнем Востоке относятся к середине палеолита. В основном они найдены при раскопках мисс Гаррод в двух пещерах горы Кармель: одна южнее Назарета, а другая северо-западнее Галилейского моря. Их открытие стало эпохальным событием в изучении доистории Ближнего Востока. Все они принадлежат к мустьерскому типу культуры (от названия пещеры во Франции) и, очевидно, уходят в глубину веков не менее чем на 100 тысяч лет. Это целая серия скелетных останков, начиная с неандертальского типа (от названия долины у Рейна), проходя через последовательные формы вплоть до таких, которые почти уже являются современным человеком. Неандертальский человек был невысокого роста, коренастого телосложения, стоял почти, но не вполне прямо. Что особенно поражает в некоторых кармельских скелетах, это то, что в них присутствуют некоторые анатомические черты *Homo sapiens*. Объем черепа у них был больше, чем у европейского собрата; подбородок крупнее, но пока еще не имел структуры, характерной для владения связной речью. Таким образом, они, по всей видимости, представляли собой важный этап в эволюции человека, благодаря чему данный ближневосточный регион становится сценой зарождения промежуточного звена между первобытным и современным человеком.

Наш человек в среднем палеолите по-прежнему жил в пещерах. Как и раньше, он обрабатывал неровные осколки и грубые куски кремня, которые использовал в качестве ручных топоров, скребков, резачков и молотков. Социальная организация, несомненно, была зачаточной и примитивной, в центре ее стояли группы или стада, пропитание которым давала природа, то есть растения и животные в их естественном состоянии. Умело расщепленные человеческие кости, чтобы извлечь столь желанный костный мозг, указывают на практику каннибализма. Жертвами его становились взятые в плен враги или неудобные сородичи; также это могли быть люди, умершие естественной смертью.

Данная культура существовала в межплuviальную климатическую фазу с очевидным постепенным переходом к более засушливым условиям. Останки животных указывают на при-

сутствие, помимо носорога и бегемота, газели, пятнистой гиены, медведя, верблюда, речной свиньи и оленя. Хотя климат был сухим и теплым, постоянные реки пока еще орошали страну, сохранялись некоторые зоны, густо заросшие лесом или кустарником.

В последующую эпоху среднего палеолита произошли резкие изменения климатических условий, включая значительные атмосферные осадки. Последовал новый плювиальный период, продолжавшийся десятки тысяч лет, в течение которых о Сирии-Палестине известно немного. В Ливане его представляет скальные убежища близ рек Нахр-аль-Джауз (возле аль-Батруна) и Нахр-Ибрагим. Примерно в этот период фауна начинает принимать современный вид; все первобытные ее представители исчезают.

На протяжении долгой эпохи позднего, или верхнего, палеолита встречаются признаки усилившегося иссушения, за исключением одного значительного перерыва. Археологические остатки указывают на чередование теплого и прохладного средиземноморского климата вплоть до позднего палеолита. Культура позднего палеолита соответствует ориньякской культуре в Европе (от названия типичной стоянки во Франции) и представлена находками из пещер близ рек Антильяс и Нахр-аль-Кальб, а также возле Галилейского моря. Раскопки 1938 года в Кзар-Акил возле Антильяса показали остатки костей оленей, гиен, носорогов, лис и коз, а также человеческих существ. Музей Американского университета Бейрута особенно богат орудиями каменного века.

Среди животных останков первое место занимают кости газелей. Хотя плоды человеческого труда в эту эпоху не показывают радикальных отличий от предыдущей, каменные орудия становятся меньше по размеру, становятся микролитическими. Это указывает на то, что человек начал вделывать каменные инструменты и оружие в деревянные или костяные рукоятки, получая единое целое. Дерево по причине своей недолговечности погибло без следа, однако найдены кости с признаками подобного использования.

Самые ранние фрагменты угля, найденные до сей поры в данном регионе, раскопаны на одном из нижних уровней кармельской пещеры и относятся к концу раннего палеолита, примерно 150 тысяч лет назад. Другие, принадлежащие к позднему палеолиту (ориньяк), найдены в соседней пещере, их структура предполагает древесину дуба, тамариска, маслины и виноградной лозы. В своем медленном и изнурительном восхождении от низшего интеллектуального уровня к высшему первобытный человек, видимо, случайно, а не намеренно сделал несколько открытий, которые дали ему судьбоносные преимущества, вызвали реакцию, пробудив и развив его изобретательность. Среди самых древних из таких открытий был огонь.

Человек раннего палеолита, скорее всего, своими глазами видел, как загорается огонь от молний, падающих метеоритов и других природных явлений, и даже пользовался им. Куски свежего мяса, зеленых плодов, съедобных корней, видимо, случайно попадали в огонь. Когда вследствие этого пища становилась более мягкой и вкусной, это, вне всяких сомнений, заставляло самых умных и любознательных провести эксперимент. Более того, по всей вероятности, они неоднократно были свидетелями того, как во время работы с кремнем и другими твердыми камнями при трении или ударе возникают искры и вспышки; однако им пришлось прождать несколько поколений, пока не появился некий безымянный Эдисон или, вернее, Эдисоны, которые задумались над этими явлениями и попытались воссоздать их и управлять ими в своих целях. Тем самым они положили начало одной из величайших революций в истории поступательного развития человечества. Постепенно люди осознали, что огонь не только позволяет готовить еду, но и защищает от холода, отпугивает диких зверей и помогает выгнать дичь из леса.

Другим деятельным достижением человека раннего палеолита было развитие того своеобразного способа коммуникации между людьми, который называется языком. Истоки языка следует искать в работе разума, который еще только начинает превращаться в человеческий и, следовательно, находится вне досягаемости нашего изучающего взгляда. В качестве

целенаправленной деятельности, служащей для установления мыслительного контакта между людьми, язык помог объединить отдельных людей в группы. Весь процесс его эволюции и усвоения был процессом совершенствующейся социализации. Но так как он не мог оставить никаких материальных следов до того, как тысячи лет спустя было изобретено письмо, у нас нет никаких археологических данных для его исследования.

Древнекаменный век неразлично перетекает в новокаменный, в котором человек уже пользуется орудиями из отполированного камня. Переходный период между ними называется мезолитом, то есть среднекаменным веком. Он продолжался около четырех тысяч лет, начиная примерно с 10-го тысячелетия до н. э. Мезолитический человек уже не только полировал кремневые, базальтовые и другие каменные орудия и инструменты, таким образом повышая их эффективность в своих целях, но и впервые начал использовать и оценивать наличие ресурсов окружающей среды. В Палестине эта стадия прекрасно представлена натуфийской культурой, получившей свое наименование от местности Вади-эн-Натуф на северо-западе от Иерусалима, в пещерах (Эш-Шакба), где в 1928 году проводила раскопки мисс Гаррод. Элементы натуфийской культуры позднее были обнаружены в Магарат-аль-Вади и на других участках.

Натуфийская культура зародилась в начале мезолита и продолжалась до 6-го тысячелетия. Ее представители были меньше ростом, чем более ранние люди, стройные и круглоголовые, напоминающие человека медного века из Библа (Джебейль) и египтян додинастического периода. Очевидно, они относились к той же расе, из которой позднее вышли хамиты и семиты. В период натуфийской культуры фауна, хотя и относится в основном к современному типу, имеет довольно существенные отличия от фауны настоящего времени. По-прежнему встречается множество костей газелей, но попадаются и останки редкой ныне европейской лани, что говорит о засушливом климате; гиены тогда были пятнистыми, того же вида, который сейчас встречается только южнее Сахары; еж довольно сильно отличался от короткоухого вида и ныне вымер. Дальнейшее исчезновение таких животных, как лошадь и благородный олень, возможно, объясняется климатическими условиями. Материальные артефакты изобилуют отдельными и резными костями и зазубренными наконечниками стрел. Тогдашние орудия относятся к микролитическому типу, это характерная черта мезолитической культуры.

Обнаружение почти целого черепа крупной собаки в отложениях кармельской пещеры дает нам первое свидетельство одомашнивания животных – еще одно эпохальное событие в движении человека к цивилизованной жизни. Собака была приручена еще в то время, когда человек оставался охотником. Кроме ее пригодности для охоты и охраны, собака была первым сборщиком мусора. Другие данные свидетельствуют о том, что одомашнивание скота, которое привело к возникновению скотоводческого образа жизни с более надежным пропитанием, нежели давала охота, произошло позднее. Человеку пришлось сначала одомашниться самому, прежде чем он смог одомашнить других животных.

Вотивные глиняные фигурки, изображающие коров, коз, овец, свиней и собак, найденные в остатках святилища близ Иерихона, возраст – не позднее 5000 г. до н. э.

Вотивные фигурки из глины, изображающие такой скот, как коровы, козы, овцы и свиньи, найдены в святилище Иерихона конца 6-го тысячелетия до н. э. Одомашнивание животных обычно происходит еще на кочевой стадии и, следовательно, предшествует появлению сельского хозяйства. Какому-то мезолитическому человеку на Ближнем Востоке, по-видимому, случайно пришла в голову мысль одомашнить животное. Движимый то ли жалостью, то ли любовью, он однажды пощадил детеныша какого-то дикого зверя, мать которого убили, и вырастил щенка или ягненка вместе с собственными детьми. И это принесло свои плоды. Эксперимент повторялся и расширялся. Человек предложил животным защиту, а взамен получил молоко и службу – помощь в охоте и перевозке тяжестей. Первобытное общество палеолитической культуры сменяется более обществом высокоразвитым.

Пока человек был охотником, его перемещениями управляла миграция диких животных, на которых он охотился ради пропитания. После domestikации животных на стадии пастушества он оставался кочевником, но со следующим отличием: теперь его передвижения зависели от наличия зеленых пастбищ для стад. Однако в конце мезолита или, возможно, раннего неолита натуфийская культура стала свидетелем зарождения новой тенденции к оседлому образу жизни, которая в конечном счете еще сильнее повлияла на человека, а именно сельского хозяйства.

Сирии повезло в том, что на ее территории водились благородные животные, подходящие для приручения, а также произрастали полезные растения, пригодные для окультуривания. Дикая пшеница и ячмень растут в естественных условиях Северной Сирии и Палестины, и люди, по-видимому, очень рано обнаружили их питательную ценность. Кремневые серпы и другие орудия, оставленные представителями натуфийской культуры в значительном числе, говорят о том, что они и их современники из Северной Сирии одними из первых на Ближнем Востоке перешел к той или иной форме сельского хозяйства. В основном люди вели образ жизни пещерных троглодитов, родственных египетским, и находили пропитание охотой и рыбной ловлей. Некоторые были пастухами. Занятие сельским хозяйством, несомненно, началось с грубого мотыжного земледелия, которое требовало перехода с места на места по мере истощения поверхностного слоя почвы. Есть предположения, что первые шаги были сделаны еще до 6-го тысячелетия до н. э., за века до появления керамики или металлов. Собиратели превратились в производителей. Для хранения и переноски еды и питья все еще использовались тыквенные сосуды и кожаные бурдюки. Нет никаких данных о том, что какой-либо иной народ

перешел к сельскому хозяйству на столь же раннем этапе. Очевидно, именно из Сирии первые семитские переселенцы принесли в Египет пшеницу, а также виноградарство. В древнеегипетском языке слово «пшеница» (qmhw) и слово «виноградник» (ka(r)mu), несомненно, имеют семитское происхождение, а именно ханаанское. Изображения плугов из Вавилонии, Египта и современной Сирии на удивление похожи.

Каким образом мезолитический человек открыл возможность domestikации растений, точно сказать невозможно. До той поры у человека было обыкновение включать зерна диких злаков в свой рацион. Должно быть, какая-то часть этих диких зерен случайно упала на землю в подходящее время, и какой-то человек, а точнее сказать, сверхчеловек заметил плотную поросль злаков около места прошлогодней стоянки. И тогда его осенила грандиозная идея. Таким же сверхчеловеком должен был быть тот, кто силой или уговорами заставил свое племя не съесть все собранные семена и оставить долю – и более того, даже отобрать лучшие, чтобы обеспечить будущий урожай и даже улучшить его. Выращивание пшеницы и ячменя открыло путь для других злаков, таких как просо (dhurah), а позднее и плодов, таких как оливки, виноград и инжир, и разнообразных овощей, и все они разводились и улучшались еще в доисторический период.

Растениеводство произвело еще большую революцию в прогрессе человечества, чем животноводство. По мере развития человек переселился в глинобитные хижины или дома из кирпича-сырца. Остатки примитивных жилищ найдены в старейших слоях в местах обитания человека в Иерихоне, они уходят примерно в 5-е тысячелетие до н. э., за ними следуют жилища в Телль-эль-Джудайде, Рас-Шамре и, помимо прочих, Библе. Более ранних поселений человека не обнаружено больше нигде. Вероятно, Иерихон – место самого долгого в мире непрерывного проживания человека. После полного перехода к скотоводству и земледелию мезолитический человек, до той поры кочевник, превратился в оседлого творца, хозяина над источниками своей пищи. Пещеры и каменные убежища в горах постепенно были оставлены ради равнинных поселений. Возникло землевладение. Пока человек переходил с места на место, не привязанный ни к чему, чтобы обращать большое внимание на окружающую обстановку, среда его обитания не могла радикально изменить его или придать ему местную окраску. Его жизненные впечатления были разрозненными и разными. Теперь же благодаря постоянному проживанию в одном месте появилась возможность накапливать и передавать схожий опыт и переживания в виде культурной традиции. Так, у оседлого человека появляются хранилища не только для пищи, но и для идей, которые позволили ему более эффективно передавать свой опыт будущим поколениям.

Одним из важных результатов общинной жизни стал мощный импульс к развитию языка. Сегодня нас поражает, насколько разум палеолитического человека сумел развить язык. Сравнение современного разговорного арабского, например, с реконструированным семитским праязыком показывает непрерывный процесс упрощения с высокого и далекого доисторического уровня.

Что касается возвышенной сферы, то, помимо языка, от мезолитического человека нам осталась религиозная вера в некое божество или божества и грубое представление о каком-то продолжении существования человека после смерти. На это указывает наличие сосудов для пищи и приношений в местах захоронения. Следы такой смутной веры в загробную жизнь восходят к мустьерской культуре. Сельскохозяйственные занятия и скотоводство требовали таких богов, которые присматривали бы за полями и стадами, а не прежних духов и магии, на которые полагались охотники. Можно предположить, что пастушеский народ поклонялся лунному божеству, которое в таком теплом регионе, как Сирия-Палестина, кажется более милостивым и благодетельным, чем солнце. Луна развеивала ужасы ночной тьмы и приносила прохладу, в которой могли с удобством пастись стада. Именно она, а не солнце была другом пастуха. Иерихонское святилище конца 6-го тысячелетия до н. э. могло быть посвящено лунному божеству.

Развивая сельское хозяйство, человек сумел мысленно проследить связь между ростом и солнцем, которое затем заняло господствующее место над луной. Помимо культа солнечной богини, тогда же зародился культ матери-земли в лице богини плодородия, отвечавшей за посадки. Религия приняла отчетливо женский облик и еще по одной причине: женщине гораздо легче заниматься сельским хозяйством, нежели охотой. Религиозный символизм и мифология, связанные с богиней плодородия, которые достигли своего полного расцвета позднее, в циклах Адониса – Иштар и Осириса – Исиды в Финикии и Египте, берут свое начало именно в этот период. Триада лепных статуй из раннего Иерихона, состоящая из отца, матери и сына, вероятно, имеет культовое значение и позволяет предположить, что уже в 5-м тысячелетии до н. э. организация семьи приняла ту форму, в которой впоследствии существовала уже постоянно.

Наряду с развитием религии у мезолитического человека происходила и его художественная эволюция. Наряду с языком искусство является отличительной чертой человеческих существ. Оно родилось, когда в разуме какого-то человека каменного века проснулась способность к сознательному подражанию. После этого человеческая душа вошла в новый мир, мир воображения и красоты.

В самом раннем своем проявлении искусство было тесно связано с магией; изображение животных предположительно давало художнику власть над изображенным объектом. В пещере горы Кармель была найдена вырезанная на кости голова быка эпохи мезолита. Осознавая окружающие его силы и собственную беспомощность перед ними, человек выработал магическую систему, оснастив ее амулетами из кости и камня, с помощью которых он искал защиты от того, что внушало ему страх. Страх был основным элементом древней религии. Позже человек начал попытки получить преимущества магическим образом, например повесить поголовье своих стад или увеличить урожай. Анимизм и магия, по-видимому, лежат в основе первобытной религии. Анимизм заставил человека наделять все окружающие его предметы живущими в них духами, которых следовало умиротворять, если они злы, или удовлетворять, если добры.

У нас есть множество образцов натуфийской резьбы по кости и камню, лучшие из них – это костяные статуэтки фавна. Вероятно, «самые ранние примеры пластического искусства, во всяком случае в Палестине», это культовые приношения в виде изображений домашних животных, найденные в Иерихоне.

В эпоху неолита, или позднего каменного века, который длился около двух тысячелетий и начался около 6000 года до н. э., был достигнут значительный прогресс в сельском хозяйстве, животноводстве, применении полированных каменных орудий и оседлой жизни. Также она стала свидетелем изобретения глиняной посуды и открытия металла. Мезолитическая культура Сирии-Палестины отличается от других мезолитических культур тем, что две ее характерные черты – скотоводство и земледелие – сложились еще до появления керамических и металлических изделий.

Когда человек научился лепить горшки из глины и обжигать их, он натолкнулся на еще одно важное открытие в своем культурном развитии. Глиняные сосуды вскоре заменили собою тыквы, мехи из шкур и выдолбленные каменные и деревянные сосуды, которые до той поры обслуживали, хоть и не без недостатков, его экономические потребности. Новое же изобретение означало, что отныне человек может уверенно поселиться на некотором удалении от источника воды, по-настоящему готовить свою пищу, а не только есть ее сырой или жареной на открытом огне, и, что еще важнее, легко сохранить для будущего использования то, что не употребил в данный момент. Помимо контроля над добыванием продовольствия, человек получил в руки контроль над его сохранением. Собиратель на кочевой стадии, который превратился в производителя продовольствия на сельскохозяйственной стадии, теперь, кроме того, стал и хранителем пищи. Это позволило ему отдохнуть от непрерывного поиска пропитания, а досуг был необходим для прогресса в более возвышенных аспектах жизни.

Керамика в Палестине впервые появляется в одном из самых нижних археологических слоев в Иерихоне. Гарстанг считает, что она была изобретена именно там. Сначала она приняла форму чаш, выкопанных в земле и выложенных слоем вязкого материала, а затем простых кувшинов с ободком, плоским доньшком и ручками в виде петель или шариков. В Сирии самая ранняя керамика появилась в месопотамской части страны; монохромная северосирийская керамика, возможно, датируется примерно 5-м тысячелетием до н. э. После нее возникает крашенная керамика из Телль-эль-Джудайды на северо-востоке от Антиохии, уходящая примерно в середину 5-го тысячелетия до н. э. и украшенная узорами самого примитивного типа. К тому же культурному уровню относится и крашенная керамика, найденная в Сакчагёзю, на самом севере Сирии, древнейшие из ее образцов – это посуда черного цвета с надрезами, после которой появляются новые элементы разноцветных украшений. Осколки северосирийской керамики найдены на востоке до самой Самарры на Тигре. Гончарный круг, видимо, был изобретен еще до 4000 года до н. э., но в Южной Палестине владение им достигло уровня мастерства не ранее примерно 2000 года до н. э. До его изобретения всю керамику изготавливали вручную.

На конец 5-го – начало 4-го тысячелетия пришлось высочайшая стадия развития в древнейшей истории декоративного искусства. Центр его находился в Северной Сирии и Месопотамии. Данную культуру можно назвать халафской по топониму Телль-Халаф⁷ (древний Гозан) на реке Хабур. На западе она представлена Марсином в Киликии. Ее представители расписывали вазы в очевидном подражании искусству, которого к тому времени уже достигли изготовители корзин и циновок. Технически и художественно их утварь, в том числе блюда, чаши, тарелки, кувшины и кружки, стоят в ряду прекраснейших образцов древнего ремесла. Они использовали многоцветные геометрические и цветочные узоры, красота которых «не превзойдена, по крайней мере с нашей современной точки зрения, ни в одном другом последующем периоде истории». Кроме того, у нас нет причин думать, что с тех пор умственные способности человека значительно возросли. Что касается этой эпохи крашеной керамики, наибольшее количество поселений, самые богатые слои и самые высокие в культурном отношении остатки найдены на территории Северной Сирии и Месопотамии, и это не оставляет нам никаких сомнений в том, что главный западноазиатский поток цивилизации проходил в то время через этот регион, почти не затрагивая окружающие местности.

Включение керамики в число хозяйственной утвари, к слову сказать, оказалось весьма полезным с точки зрения науки. Керамика долговечна, хотя и может разбиться на бесчисленные осколки; способы ее изготовления и декора отражают вкусы и склонности ее времени, так же как сегодня – женская одежда; ее распространение самым ясным образом рисует картину древнейших торговых связей. Следовательно, ее изучение открывает перед современным ученым широчайшее окно, в которое он может заглянуть в темное царство прошлого. Позднее такое же окно откроет металлургия. И с появлением керамики и металлургии мы переходим от доистории к протоистории.

⁷ Исследовал Макс Ф. фон Оппенгейм. Т е л л ь – это искусственный холм на месте развалин множества поселений, сменявших друг друга. Данное явление встречается в Западной Азии, где оно существовало еще за 2000 лет до н. э. Слово имеет арабское или шумерское происхождение.

Глава 3

Металлические орудия

Открытие металла ознаменовало новую и значительную стадию в развитии человека – металлический век, в котором металл заменил камень в качестве преобладающего материала для изготовления орудий.

Это открытие могло состояться в Западной Азии вскоре после изобретения глиняной посуды, однако широкое применение первого важного представителя семейства металлов – меди, по всей вероятности, было отложено еще примерно на тысячу лет. В Сирии и Палестине медь стала более или менее активно использоваться около 4000 года до н. э., однако вытеснить камень в качестве главного материала для изготовления инструментов и оружия она смогла не ранее 3000 года до н. э. Это 4-е тысячелетие до н. э. можно назвать халколитическим (медно-каменным) веком; в это время медь нашла применение в самых прогрессивных общинах, однако кремний, несомненно, еще оставался главным материалом. Следы халколитической культуры в изобилии встречаются в Угарите и других местностях на севере Сирии и в Тулайлат-эль-Гассуль (где найдены некоторые из древнейших найденных доселе в Палестине металлических орудий) и других районах Палестины. Около 3000 года до н. э. начинается медный век, часто ошибочно называемый бронзовым. Открытие около 2000 года до н. э. залежей руды в Идумее, южнее и восточнее Мертвого моря, окончательно обеспечило победу меди.

В период халколита, как и неолита, Северная Сирия остается главным культурным центром всего Ближнего Востока. Очевидно, какой-то из местных жителей случайно обратил внимание на медь, когда обкладывал костер кусочками руды и на следующее утро, помешивая угли, заметил блестящие металлические шарики. Едва ли этот неолитический сириец отдавал себе отчет, что тем самым сделал шаг в том революционном движении, которому суждено было поднять всю культуру с каменного на металлический уровень. С открытием металла и осознанием его свойств человек оказался на пороге новой эры, которая продолжается до наших дней. Бронза сменила медь, а железо – бронзу. Начало бронзовой эры совпало с изобретением алфавита. В этот момент бесписьменные культуры Сирии подходят к концу; начинается письменная культура.

Из Сирии знания о меди распространились во все стороны. Додинастический Египет, скорее всего, получил их оттуда во время семитского вторжения. Регион Ниневия, возможно, также получил эти знания от своего западного соседа⁸. Таким образом, Сирийская седловина, протянувшаяся по территории от залива Искендерун до изгиба Евфрата, приобретает особую значимость как место доместикации пшеницы, изобретения глиняной посуды и открытия металла.

Человеческие останки из этого региона указывают на то, что здесь сначала использовали медь, а затем ее более твердый сплав – бронзу – для изготовления оружия еще до того, как начали производить из нее орудия для мирных занятий. Племена или общины, располагавшие оружием из такого ковкого, пластичного и прочного металла, имели громадное преимущество перед теми, кто пользовался изделиями из камня. Но и в мирных искусствах он пригодился не меньше, чем в военных. Заметно усовершенствовалось строительство. Появились довольно крупные постройки. По остаткам домов видно, что они были прямоугольными в плане, притом что святилища имели круглую форму.

В халколитическом городе Тулайлат-эль-Гассуль к северу от Мертвого моря прямоугольные дома одной из длинных сторон часто выходили во двор. Стены строили из кирпича, фун-

⁸ На юге шумеры, вероятно, открыли этот металл еще раньше и доставляли его независимо из Умана.

дамент – из необработанного камня. Дом покрывали тростниковыми крышами со слоем глины. Под полами зарыты младенцы в кувшинах; некоторые из тел кремированы – явно несемитский обычай. Пещерные жители Гезира отвели отдельную пещеру, чтобы сжигать тела своих покойных сородичей. Кремация – самый простой способ избавиться от трупа; таким образом дух мертвого благополучно отправляли на тот свет, так что он не мог причинить вреда оставшимся в живых. Подобные кувшины с мертвыми телами, не сожженными, но усаженными вертикально в позе эмбриона (с поджатыми руками и ногами) и захороненными под земляным полом неолитических домов, обнаружены на севере до самого Угарита, а также в Каркемыше (Джераблус), но относящиеся к более позднему времени. Погребения в кувшинах найдены и в других местах, например в Гезере (Тель-Джазар), к юго-востоку от современной Рамлы, и принадлежат к той же ранней культуре. В Гезере можно наблюдать, что пещерные жители уже начинают переселяться в дома. Поселение более позднего периода окружено грубой стеной, как и многие другие деревни бронзового века, чтобы защитить ее от врагов. В этом периоде появляются городские укрепления. Вместе с сожженным трупом, найденным в пещере в Гезере, были положены керамические сосуды с едой и питьем, что говорит нам о возросшем интересе к загробной жизни.

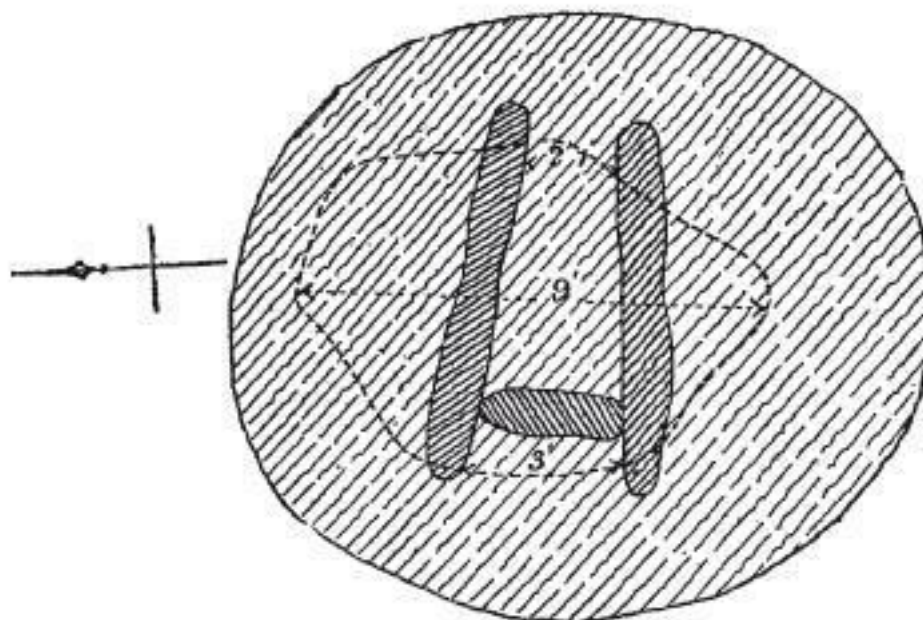
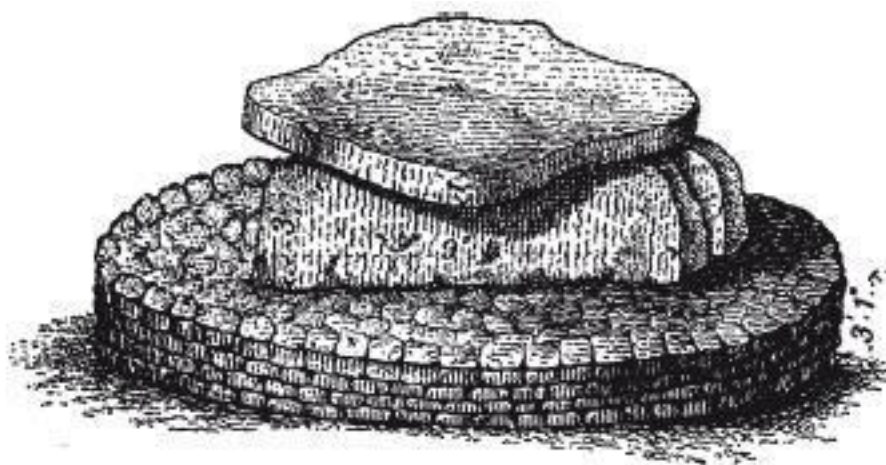
Обнаруженная под святилищем в Гезере грудка костей указывает на то, что в жертву предпочитали приносить давно одомашненных палестинцами свиней, и этот факт сделал ее ненавистной для их врагов и преемников – семитов. В Гезере выращивали виноград и оливки и давили их в ямах с поддонами для сбора жидкости и жмыха. Такие простые каменные давилки для плодов найдены и в других местах. Виноград и масличные деревья, очевидно, произрастали в средиземноморском бассейне и впервые стали активно культивироваться и были полностью одомашнены на его восточном краю, откуда позднее распространились на запад благодаря расширяющемуся влиянию торговли и колонизации. То же можно сказать и об инжире. Оливки и оливковое масло, виноград, инжир, пшеница и ячмень вплоть до наших дней входят в типичный рацион сирийца. На, как правило, скудной почве такой страны, как Палестина, ячменя выращивается куда больше, чем пшеницы. Китайская пшеница точно такая же, как и ближневосточная, и дикие предки тамошних одомашненных волов и овец, по-видимому, происходят от диких видов Ближнего Востока.

Другие халколитические города гассулского типа были раскопаны в Иерихоне, Мегиддо (Тель-эль-Мутасаллим), Аффуле, Бейт-Шеане (Бейсане), Лахише (Тель-ад-Дувайр), Угарите и Библе. Гассулская культура в Палестине соответствует халафийской культуре Северной Сирии и Месопотамии, хотя сложилась она несколько позже.

Между тем сельское хозяйство и животноводство получили сильный импульс к развитию. Волы, овцы и козы, которых начали одомашнивать в век неолита, к этому времени широко распространились, как о том свидетельствует множество их изображений в виде фигурок. Среди других часто встречающихся фигурок домашних животных свиньи и голуби. Из более поздних данных мы узнаем, что голубка была связана с богиней-матерью, божеством, которое олицетворяло принцип жизни и плодородия. Почти все халколитические поселения размещались в речных долинах или на аллювиальных равнинах и требовали орошения. Таким образом, выдающимся достижением халколита в области сельского хозяйства стала ирригационная культура, в рамках которой культивировалось несколько разновидностей огородных овощей: салат, лук, чеснок, нут, конские бобы и приправы. Это возросшее разнообразие и качество доступной пищи отражается в заметном увеличении среднего роста человека в позднем халколите.

Этнический состав жителей разных поселений того времени неясен. Преобладающим элементом, конечно, был не семитский; семитам, как мы узнаем ниже, еще предстояло прийти и оккупировать как Северную, так и Южную Сирию. Они появляются уже ближе к концу эпохи халколита. Можно предположить, что некоторая часть населения этого периода принадлежала

к той же первоначальной группе, от которой впоследствии отделились семиты и хамиты. Другие, очевидно, относились к так называемой семье арменоидов, как показывает исследование скелетных находок в Гезере на юге. Другие археологические находки, сделанные в Каркемыше и Сакчагёзу на севере, указывают на связь между ними и свидетельствуют о широкой распространенности этого типа по всей Сирии эпохи халколита. Это подтверждается тем фактом, что многие ранние топонимы в Центральной и Северной Сирии, включая Димашк (Дамаск) и Тадмор (Пальмира), не позволяют сделать определенный вывод о семитском происхождении этих слов; они могут быть пережитками досемитских названий. Арменоид, являющийся восточной ветвью альпийской расы, характеризуется выраженным носом и широким, коротким черепом. Его представителями среди древних народов являются хурриты и доиндоевропейцы, а среди современных – армяне и евреи. Усиленный более поздними вливаниями, такими как хетты, этот тип имеет свои характерные черты, до сих пор заметные в жителях данной местности.

Дольмен около деревни Кафр-Юба, юго-восточнее Ирбиды, Северная Иордания

Нет никаких сомнений в том, что в состав населения входили различные этнические группы, однако невозможно доказать, что в то время существовала странная раса «исполинов

на земле»⁹. Широко разбросанные огромные пещерные гробницы, часть которых имеет длину в сотни футов, а также монументальные погребальные сооружения, называемые дольменами, построенные из необработанных валунов (мегалитов) на твердых круглых основаниях, видимо, настолько впечатлили новоприбывших, что породили такие легенды. Легенды о «сынах Енаковых»¹⁰ и амаликитянах увековечены в арабской и исламской литературе. Название палестинского города в местности, откуда явился Голиаф, Бейт-Джибрин (*ивр.* Бейт-Гуврин), означает «дом великанов».

До сего дня дольмены изобилуют в Трансиордании, среди холмов Палестины и на возвышенностях Сирии, а также в Малой Азии. Следы металлических орудий на стенах некоторых огромных пещер и медные кольца, обнаруженные в одном из трансиорданских дольменов, подтверждают их принадлежность к халколиту. Самые примитивные из них находятся в земле Ханаанской и восходят к неолиту, около 5000 года до н. э. Мегалитические сооружения Западной Европы возникли на тысячу и более лет позднее и породили столь же фантастические истории о доисторических великанах.

После открытия металла искусство в целом и его пластическая разновидность в частности сделали большой шаг вперед. В большом количестве обнаружены печати, ювелирные изделия и медная посуда этого периода. Художественный уровень этих и аналогичных предметов заметно возрос. Возникшая, как мы узнали раньше, еще в эпоху мезолита скульптура получила широкое распространение. Изображения людей и животных найдены на брусчатке поздних халколитических уровней в Мегиддо. Современные им настенные росписи из Тулайлат-эль-Гассуль на оштукатуренных внутренних поверхностях стен из кирпича-сырца, изображают фигуры людей или божеств в разных красках. Это древнейшая из известных попыток декора домашнего интерьера. Но наилучшие возможности проявить свой талант предоставляла художнику отделка керамики. К концу 4-го тысячелетия до н. э. техника глазурованной росписи добралась из Северной Сирии до ранне-минойского Крита и раннединастического Египта. Вазы, украшенные глазурной краской в северосирийской традиции, встречаются в качестве ввезенных товаров в гробницах первых фараонов в Абидосе. Из Телль-эль-Джудайды в Северной Сирии происходит целый запас литых медных статуэток, включая бога и богиню плодородия, которые, как полагают, являются самым ранним известным изображением человека в металле.

Развитие металлургии и керамики, характерное для позднего халколита и раннего медного века, вызвало к жизни различные ремесла, расширило деловые отношения между деревнями и городами и привело к более высокой степени специализации труда. Густонаселенные города расцвели на равнинах и в долинах и в дотоле необитаемых местах. Торговля начала принимать международный размах. Расширение торговых и культурных контактов между Сирией, Палестиной и Ливаном, с одной стороны, и Египтом и Вавилонией – с другой, было фактором первостепенной важности для будущего всех этих стран. Ускорился весь темп жизни на Ближнем Востоке, так же как в наше время благодаря открытию пара и электричества.

Не хватает только одного великого изобретения, прежде чем мы сможем выйти на белый свет истории: письменности. Первые письменные документы, обнаруженные до настоящего момента, происходят из Шумера и относятся примерно к 3500 году до н. э. Из Нижней Месопотамии это искусство распространилось на Северную Сирию. В начале 3-го тысячелетия до н. э. оно уже стало достаточно развитым. С этого начинается история. Но прежде чем мы войдем в исторический период жизни Сирии, давайте взглянем на историю самой земли, которая заложила фундамент для последующих исторических событий.

⁹ Быт., 6: 4.

¹⁰ Числ., 13: 29.

Глава 4

Место действия последующих событий

Преобладающая особенность сирийской топографии – это чередование низменностей и высокогорий, которые в целом идут параллельно линии с севера на юг. Между морем и пустыней можно выделить пять таких продольных полос.

На западе первая из этих полос представляет собой приморскую равнину, протянувшуюся вдоль восточного средиземноморского побережья от Синайского полуострова до залива Искендерун, или Александреттского (древний Исский залив, *араб.* Искандаруна). Зажатая между морем и горами равнина расширяется на севере и на юге и превращается в узенькую ленточку у подножия хребта Ливан. Примыкая к Ливану, нигде на своем протяжении она не превышает 4 миль (6,4 км) в ширину, тогда как в Аскалане (Аска-лон) расширяется до 20 миль (32 км). Подъем от прибрежной равнины порой необычайно крут. В Джунии, к северу от Бейрута, равнину шириной 1 миля (1,6 км) сменяют предгорья, возвышающиеся на 2500 футов (762 м) в пределах 4 миль (6,4 км) от моря. Примерно в 3 милях (4,8 км) к югу, в устье реки Нахр-аль-Кальб (Собачья река, античный Ликус), отроги скал уходят в самое море, обеспечивая местным жителям стратегическое положение для перехвата вражеских полчищ. Затем у Кармеля равнина сужается, оставляя вдоль побережья проход шириной всего 200 ярдов (180 м) и отклоняя в сторону от моря великую международную магистраль древних времен, которая начиналась в Египте и следовала вдоль побережья на север.

Большая часть приморской равнины обязана происхождением тем, что еще в давний геологический период, который называется третичным, прежнее морское дно поднялось из воды. На его меловые отложения позднее в некоторых местах наложился аллювий, намывтый и разнесенный водными потоками с горных склонов. Вокруг Бейрута верхний слой песчаных отложений оставлен волнами Средиземного моря, куда они, в свою очередь, попали из Нила. Состоящее, таким образом, из песчаных пляжей и морского ложа, обогащаемое и орошаемое близлежащими нагорьями, побережье на всем своем протяжении на редкость плодородно. На юге оно включает в себя издревле прославленные равнины Шарон и Филистимская, от которой произошло название Палестина, на севере – Нусайрийскую литоральную зону, а посередине – ливанский Сахил.

Береговая линия на всем протяжении – одна из самых прямых в мире, не нарушаемая глубокими лиманами и бухтами, за исключением Искендеруна на самом севере. Оттуда до самой египетской границы, находящейся на расстоянии около 440 миль (700 км), едва ли найдется гавань, достойная этого названия.

Над сирийским побережьем возвышается линия гор и плато, которая начинается с Аманоса на севере и простираются до величественного массива Синая на юге, а главный ее хребет составляет западный Ливан. Ливан – это скелет, плоть на котором формируют прилегающие равнины и низменности. Это вторая из продольных полос. Она образует первую преграду для сообщения между морем и восточными внутренними районами, преграду, которая прерывается только в самом конце, у Александреттского залива, где можно получить доступ через Сирийскую седловину¹¹ к месопотамским равнинам и Суэцкому перешейку, через который поддерживалась связь с Красным морем и Аравийской пустыней. Между этими двумя оконечностями высокогорная преграда прерывается только у долины Нахр-аль-Кабир (великая река Элевтерий) севернее Триполи и на изломанной равнине Изреель (Мардж ибн-Амир), восточнее Акко (Акки или Акры) и Хайфы.

¹¹ Современный санджак (район) Александретта, который включает в себя Антиохию, французские мандатные власти передали через голову Сирии Турции с согласия Великобритании летом 1939 г., накануне начала Второй мировой войны.

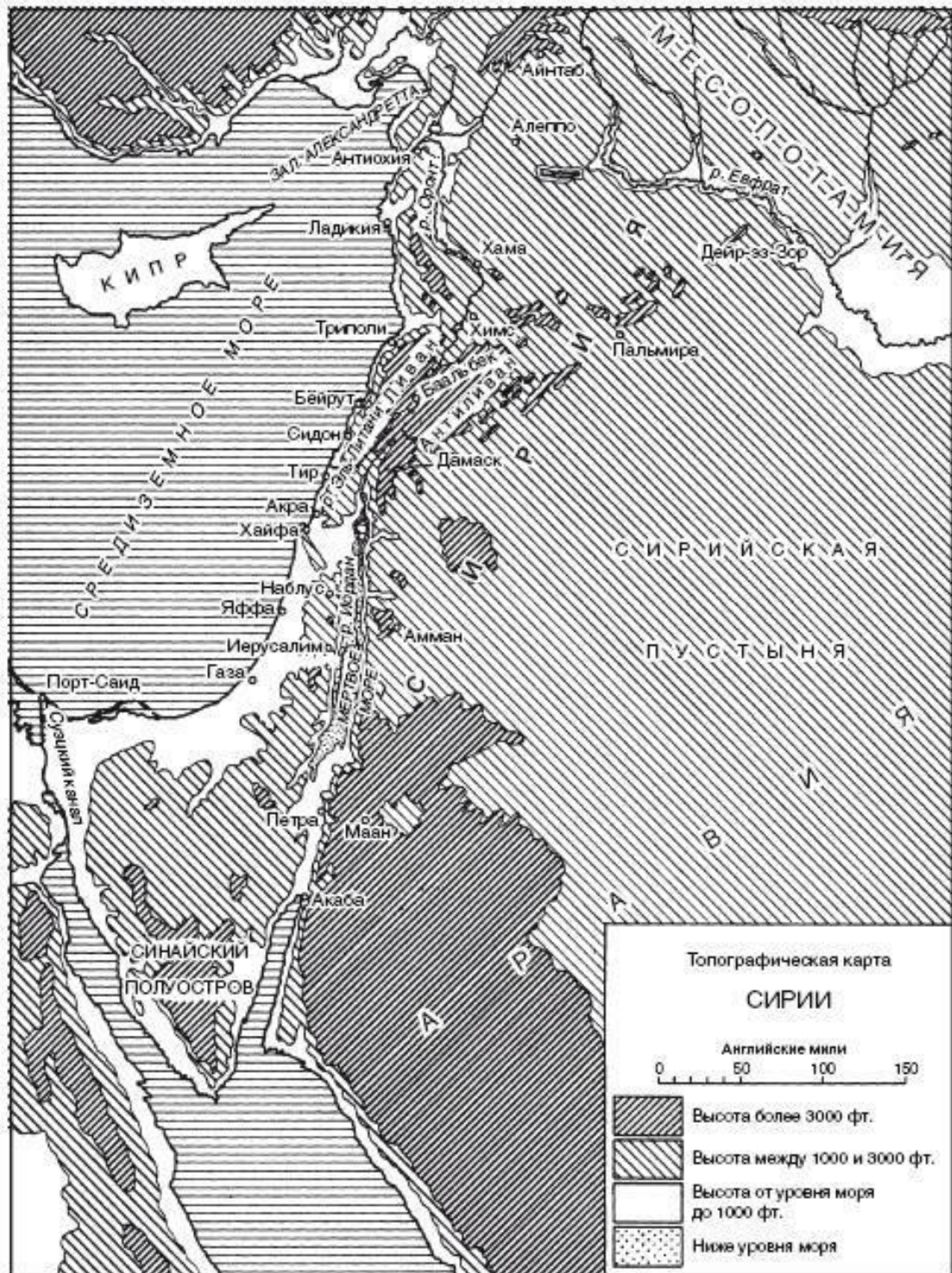
Аманос¹² – это короткое ответвление или складка, отходящая на юг от Таврского хребта, который отделяет Сирию от Малой Азии, как будто смыкая руки с сирийскими горами на юге. Он окружает Александреттский залив, образуя барьер между Сирией и Киликией, и возвышается примерно на 5000 футов (1500 м) над уровнем моря. Его южная окраина расщеплена ущельем Эль-Аси («мятежник», Оронт), где эта река ищет выход в море. Горы пересекают дороги, ведущие в Антиохию и Алеппо, главный перевал – Бейлан (Белиан, *Pylae Syriae*), знаменитые Сирийские ворота. Горные породы – частично известняковые, как в Ливане, частично вулканического происхождения; возле Александрии – офитовые скалы с залежами хрома, которыми особенно богаты турецкие горы.

Хребет тянется дальше южнее устья Оронта безлесной горой Аль-Акра («лысая», античный Касий), которая возносится на высоту 4500 футов (1370 м) и простирается до окрестностей Ладикии (Лаодикия), где носит имя Джабаль-ан-Нусайрия (Баргил) вплоть до места, где его прерывает Нахр-аль-Кабир. Эта река, берущая начало в Нусайрийских горах, отмечает границу между ними и Ливаном. По ней же проходит и нынешняя политическая граница между Ливаном и Сирией. Нусайрийская цепь сформирована юрским известняком с включениями базальта. Ее общие очертания сравнительно просты, но она окружает несколько глубоких долин, изрезанных расселин и крутых утесов, которые обеспечили бастионы средневековой сирийской ветви ассасинов и убежище – раскольным мусульманам, называемым нусайритами. Некоторые тамошние вершины по сию пору увенчаны внушительными руинами старинных замков крестоносцев.

Западный хребет возносится до альпийских высот в Ливанском горном массиве, простираясь от Нахр-аль-Кабира до Аль-Касимии, к северу от Тира, на расстоянии 105 миль (170 км). Название «Ливан» происходит от семитского корня *laban*, «быть белым». Горная цепь называется так из-за снега, который покрывает ее вершины около шести месяцев в году. В ущельях наверху лед не тает круглый год. Самый высокий пик Ливана – Курнат-ас-Сауда («черный угол») – достигает 11 024 футов (3088 м) над уровнем моря; его сосед Дахр-эль-Кадиб, на предгорьях которого сохранилась большая роща древних кедров, примерно на сто футов ниже (2993 м), а величественный Саннин, возвышающийся над Бейрутом и его заливом Святого Георгия, – еще на сто футов ниже (2628 м).

Эта кедровая роща приютилась в амфитеатре, который, по словам геологов, является концом доисторического ледника. Хотя ледовый покров ледниковой эпохи, достигший на юге самого Нью-Йорка в Америке и охвативший всю Северную Европу, даже не приблизился к Сирии, все же похолодание вызвало образование подобных этому локальных ледников. Еще более важное значение, чем расширение ледяного щита как характеристика ледникового периода, представляет присутствие в отложениях этого периода первых следов существования человека. Именно в последний межледниковый период – период потепления, когда лед временно отступил, – первые люди, по-видимому, появляются в Европе. Примерно в то же время, если не раньше, они появились в Сирии и других странах Ближнего Востока.

¹² Аманос – *араб.* Аль-Луккам (от *сир.* *ukkata* – черный), *тур.* Гавур-Даги (Гяур-Даг, гора неверных, то есть христиан), так как она в течение длительного времени служила оборонительным валом Византийской империи против ислама.

Как утверждают геологи, много веков тому назад воды того, что ныне мы называем Средиземным морем, покрывали всю сирийскую территорию вместе с соседними землями вплоть до Северной Индии. Это было в давние времена юрского¹³ и мелового периодов. В течение длительных эпох затопления отложения с северных и южных материковых масс накапливались на дне этого реликта Средиземного моря (океана Тетис), образуя известняковые породы, составляющие основную часть Западного Сирийского хребта. В третичный период, который следовал

¹³ От названия горного массива Юра между Швейцарией и Францией, относящегося к одноименному периоду.

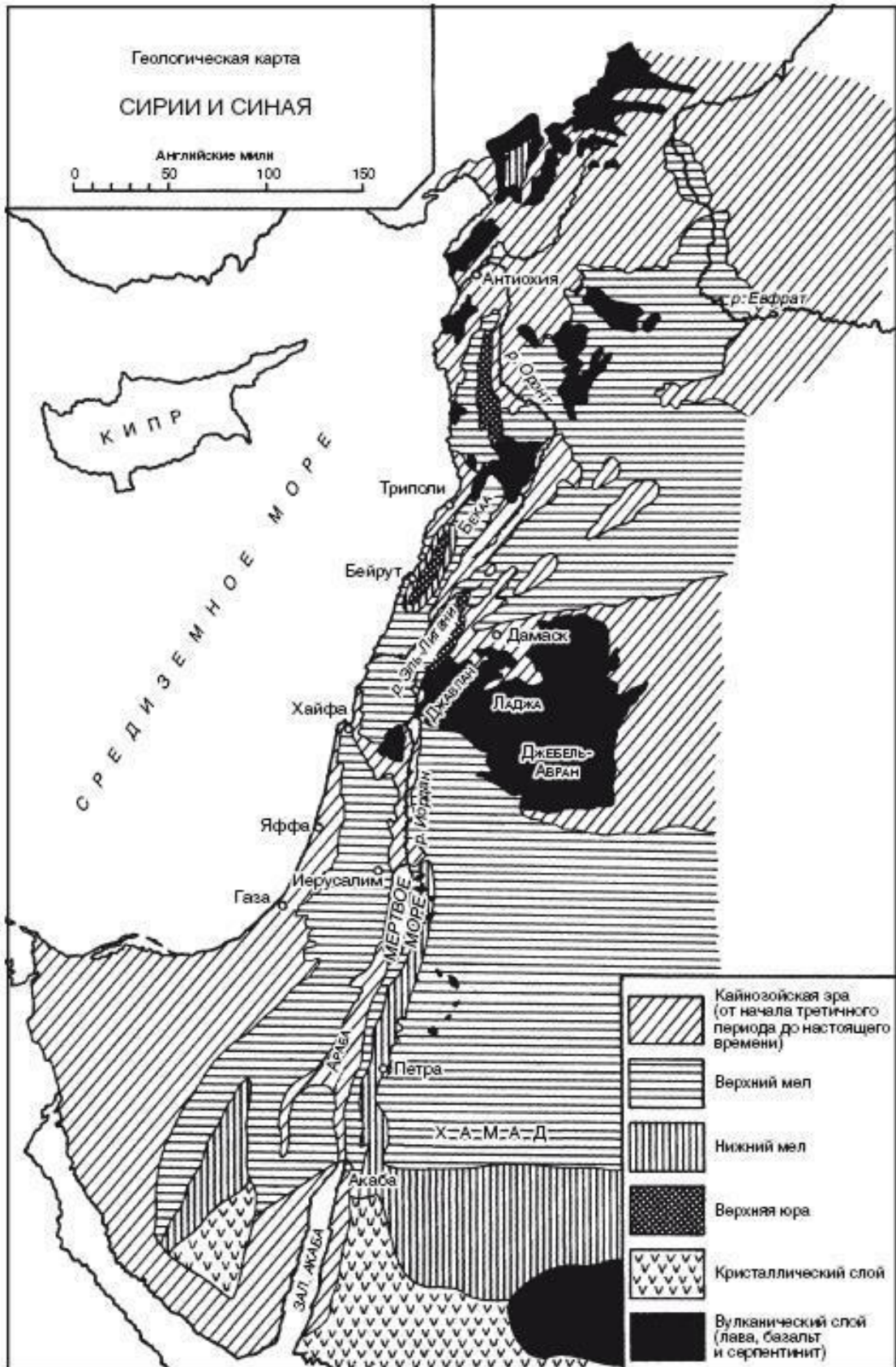
за меловым, произошли значительные смещения земной коры, что привело к уменьшению размеров Тетиса и появлению в результате поднятия и формирования складок нижних слоев горных массивов Нусайрия, Ливан и Антиливан Иудейского нагорья и Аравийского пустынного плато. Остатки животных, погребенных в отложениях и со временем окаменевших, помогают нам определить возраст этих отложений. Среди ископаемых окаменелостей рыб такого типа самые известные найдены в Сахил-Алме (близ Джунии) и Хакиле (выше Джебейля, античного Библа). Одно из двух самых ранних упоминаний ископаемых рыб в литературе – упоминаний, характер которых можно установить достоверно, – встречается в биографии крестоносца (1248), место действия – Сидон, а другое – у аль-Бируни за два века до того, место – юго-восточная область Каспийского моря.

Горы Ливана состоят из верхних и нижних известняковых слоев с промежуточным слоем песчаника. Верхние известняковые слои формируют вершины, их толщина – от нескольких сотен до 5000 футов (1500 м); толщину нижнего слоя определить невозможно, так как основание его скрыто. При образовании ложа самых глубоких долин нижний слой в ходе появления складок поднялся на высоту примерно от 4000 футов (1200 м) в Кисраване до 7000 (2100 м) возле Таумат-Ниха (пики-близнецы близ Джаззина, к востоку от Сидона) и приблизительно до 9000 футов (2800 м) у горы Хермон. Глыбы породы с железной рудой в изобилии разбросаны по поверхности нижнего известнякового слоя как Ливана, так и Антиливана, где эти залежи выходят на поверхность. Эту руду вплоть до недавнего времени продолжали выплавлять в грубых печах, из-за чего Ливанские горы стали такими безлесными, какими мы видим их ныне.

Верхние слои известняка на протяжении многих веков преобладали в ливанском ландшафте, характерный оттенок которому придал их сероватый цвет. Эрозия известняка создала почву, пригодную для сельского хозяйства, а летом из-за нее дороги покрыты пылью. Плиты известняка обеспечили жителей строительным материалом. Сквозь верхние известняковые слои дождевая вода просачивалась до сложного пласта из песков и глин, который покрывает нижний известняковый слой и удерживает воду, создавая те искрящиеся, бьющие ключом источники, которые изливают свою животворную влагу на склоны гор и долины.

Пласты песчаника, зажатые между верхним известняком позднего мелового периода и нижним известняком позднего юрского, частично относятся к раннему мелу. Они составляют продолжение нубийских песчаниковых пластов в Египте, на Синае, в Аравии и Трансиордании. Толщина слоев песчаника в Ливане колеблется от нескольких сотен до тысячи футов. Они лишены окаменелостей, но пронизаны тонкими слоями лигнита, который добывали для снабжения топливом фабрик по производству шелка и железных дорог еще во время Первой мировой войны. В некоторых районах, таких как Кисраван и Аль-Матн к востоку от Бейрута, где в результате эрозии был удален весь верхний известняковый слой, песчаник и нижний слой известняка вышли на поверхность. Последний, обычно красновато-бурого цвета, местами богат на разнообразные оттенки, которые лучше всего проявились не в Ливане, а в Петре. Из него получается почва, особенно благоприятная для роста пиний. В смеси с глиной и орошаемый водой, он обеспечивает плодородную почву для плодовых и тутовых садов, которым в основном обязана своим процветанием прибрежная равнина в районе Бейрута.

В ливанском пейзаже отчетливо выделяются строгие очертания разноцветных горных высокогорий дерзкой, скульптурной формы на фоне залитого лучами солнца моря, поверхность которого, как правило, насыщенного темно-синего цвета, подчеркивает все оттенки красок. Ландшафт берет свою яркость от ясного неба, далекого горизонта и той кристально-прозрачной атмосферы, в которой четко видны силуэты и цвета его физических особенностей и бросается в глаза вездесущий контраст между сушей и морем, горами и долинами. Эта красота всегда околдовывала поэтов и бардов с древнееврейских до арабских времен.

Геологические пласты Ливана, в основном наклонные, изогнутые и скрученные, часто вертикально и редко горизонтально, порождают путаницу холмов, утесов и оврагов, которые затрудняют сообщение между частями страны. Такая ситуация еще более усугубляется тем,

что весь регион перерезан разломами, вдоль которых разные участки местности прижимались друг к другу и разрушались по мере того, как терзаемая подземными силами земная кора в древности подвергалась сжатию и образовывала складки. Такие особенности ландшафта на протяжении многих веков предоставляли укрытия группам людей и отдельным личностям, приверженным непопулярным вождям и идеям, и в то же время содержали необычайное множество высокогорных долин и плодородных участков, которые привлекали к себе наиболее предприимчивых и свободолюбивых из числа местных жителей. Марониты, друзы и шииты (в Сирии их называют матавила) нашли приют и сохранили свою идентичность в ливанских твердых скалах. Армяне и ассирийцы, спасаясь от притеснений со стороны османов, одними из последних нашли среди них свое убежище. Христианские отшельники и анахореты предпочитали тамошние пещеры удовольствиям сего мира, а в древности разбойные племена укрывались под этими каменными сводами по иным причинам. Сегодня бесчисленные гроты посвящены Деве Марии и другим святым, и целая долина реки Кадиша, протянувшаяся от окрестностей большой кедровой рощи до Триполи, сохранила свое сирийское название, которое означает «святой».

Истинно горная страна, Ливан на протяжении веков давал дом проигравшим борьбу и последним наследникам династий, павших перед чужеземными захватчиками.

С геологической точки зрения Палестина является южным продолжением Ливана. Ливанская прибрежная равнина продолжается по неровной равнине Шарон, которая раскинулась от горы Кармель до места чуть южнее Яффы, и соединяется с приморской Филистимской равниной. Западный сирийский хребет тянется дальше, на юг от расщелины Аль-Касимия, через плато и высокогорья Верхней Галилеи, почти на буквально отделенные от Ливана, и цепь невысоких холмов, называемых Нижней Галилеей. Верхняя Галилея поднимается на высоту 3935 футов (1200 м) у самой высокой вершины в Палестине – горы Аль-Джармак к северу от Сафада; высочайшая точка Нижней Галилеи – гора Фавор близ Назарета высотой 1843 фута (562 м). Затем хребет прерывает Изреельская долина, которая пересекает всю Палестину, отделяя гористую местность Галилеи на севере от холмов Самарии и Иудеи на юге. Самарские горы, перемежающиеся долинами, представлены горами Айваль (Гевал, аль-Джабаль аш-Шамали, «северная гора», 3077 футов (938 м), и Гризим (Гаризим), 2849 футов (868 м), священная гора самаритян. Они незаметно переходят в изрезанное и плотное известняковое плато Иудеи, поднимаясь на максимальную высоту южнее Хеврона, где Ютта стоит на высоте 3747 футов (1142 м) над уровнем моря. Иерусалим лежит на высоте 2550 футов (777 м). Затем Иудейское плато широкими волнами снижается к Беэр-Шеве (Бир ас-Саб, «львиный колодец»). Этот бесплодный южный регион евреи назвали Негеб («иссушенная земля»).

Широко распространенные известняковые образования, которые в Ливане выдаются в море смелыми белыми мысами, в которых прибой кое-где промыл пещеры, здесь воплощены в виде горы Кармель, поднимающейся на 1742 фута (531 м) над морем, где в пещерах найдены скелеты самых ранних представителей человеческого рода на Ближнем Востоке. Некоторые пещеры, куда когда-то проникали волны моря или питающие его подземные воды, теперь могут находиться далеко во внутренних районах страны. Троглодиты, возможно, расширили или изменили гроты и пещеры, в которых селились. Как и в Ливане, подобные пещеры служили приютом для гонимых по религиозным или политическим мотивам. Илия, спасаясь от гнева жены Ахава, и Давид, унося ноги от мести Саула, искали убежища в пещерах. Другие пещеры служили для погребения. По-видимому, именно в таком гроте положили тело Христа, сделав его, таким образом, самой почитаемой святыней во всем христианском мире.

Третья продольная полоса в структуре Сирии представляет собой длинный узкий желоб, занимающий среднее положение в конфигурации страны. Начинаясь севернее западного изгиба реки Эль-Аси на широкой равнине Эль-Амк, желоб в районе Хамы поднимается на высоту около 1015 футов (309 м) над уровнем моря, переходит в долину Бекаа между двумя

Ливанами и продолжается на юг через Иордан к Мертвому морю, а затем через Вади-эль-Арабу до залива Акаба, восточного рукава Красного моря. Разрыв произошел из-за опускания участка между двумя крупными линейными разломами или трещинами земной коры в сравнительно недавние геологические эпохи. Эта долина Бекаа-Иордан-Араба, особенно в ее южной части, является одной из наиболее характерных черт земной поверхности. В районе Хулы ее ложе располагается на высоте 7 футов (2 м) над уровнем моря, у озера Тверия – на 685 футов (201 м) ниже уровня моря, у Мертвого моря – на 1292 фута (394 м) ниже – вот так быстро происходит понижение. Это настоящий «погреб мира», больше нигде нет настолько заметного спада.

Бекаа¹⁴, или Ливанская впадина, имеет ширину от 6 до 10 миль (9—16 км) и вблизи Баальбека поднимается до 3770 футов (1150 м) над уровнем моря. Рядом находится болотистая речная долина, откуда Эль-Аси начинает свой неторопливый путь на север, а Эль-Литани (Леонт) катит волны на юг. Аси – крупнейшая река Сирии, Евфрат не относится к сирийским рекам ни по истокам, ни по устью. Аси и Иордан – единственные большие реки в Сирии. Эль-Литани дублирует путь Аси, когда в своем нижнем течении круто поворачивает на запад у подножия замка крестоносцев Бельфор (Калаат-эш-Шакиф), промывает себе проход через верхнемеловые известняки Ливана и превращается в Аль-Касимию, изливаясь в долину между Тиром и Сидоном.

Орошаемая этими двумя потоками, Бекаа обладает наибольшими и наилучшими пастбищами во всей Сирии. Благодаря недавним аллювиальным отложениям и слою суглинка она обеспечивает самую плодородную почву для земледелия. Однако, как и у многих других сирийских рек, русло Эль-Аси проходит настолько низко, что его воду использовать довольно трудно. Поэтому и появились те водяные колеса для поднятия воды на уровень земли, чей постоянный монотонный скрип навевал сон на многие поколения хамафитов еще со времен римлян.

Долина реки Иордан¹⁵ имеет длину около 65 миль (104 км) и ширину от 3 до 14 миль (5—22 км). В эту уникальную впадину текут крупные потоки из западного бассейна, делая Палестину чрезвычайно засушливой и в конечном счете питая своими водами самое горькое озеро в мире. Необычайная соленость воды Мертвого моря может объясняться не только отсутствием выхода, но и доисторической связью с океаном. В ней высокий процент брома, калия и хлорида магния. Битумный известняк и превосходного качества асфальт встречается в Мертвом море и его окрестностях, а также в Хасбайе у юго-западного подножия горы Хермон.

Сбросовые уступы ливанских тектонических блоков и вытянутой рифтовой долины, продолженные во впадину Иордан – Мертвое море, отмечают зону интенсивной сейсмической активности. Однако зона землетрясений не ограничивается большой территорией разлома. Часть плато к востоку от Хермона и к югу от Дамаска пересекают ряды потухших вулканов, и местами они покрыты древними лавовыми полями. В некоторых областях встречаются термальные источники, как, например, районы Тверии, Мертвого моря и Пальмиры.

История Сирии больше усыпана землетрясениями, чем ее география – вулканами. Много столетий подземные толчки терзали Антиохию, стоящую на ее северной оконечности. За первые шесть веков до н. э. она разрушалась не менее десяти раз. Стены всемирно известного храма Солнца в Баальбеке несут на себе шрамы от сейсмических волнений, как и сохранившиеся до наших дней замки крестоносцев. Внезапно обвалившиеся стены Иерихона во время вторжения израильтян, а также впечатляющее разрушение Содомы и Гоморры на юго-западе от Мертвого моря, тоже указывают на землетрясения, которые в случае последних двух городов

¹⁴ Буквально «места, где застойная вода»; античная Келесирия, Полая Сирия, которая в греко-римский период охватывала также Авран и часть Трансиордании (*Страбон*. Кн. XVI, гл. 2, § 21; *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. Кн. I, гл. II, § 5; кн. XIII, гл. 13, § 2, 3).

¹⁵ Иордан – *араб.* Гаур-аль-Урдунн, или Аль-Гаур. Иордан также называется Нахр-аш-Шариа (водопой).

усугубились пожарами, охватившими выпоты нефти и асфальтовые источники. Описывая в своих ранних сочинениях силу и мощь Яхве, еврейские пророки, поэты и историки опирались на личный опыт переживания сейсмических явлений, сопровождаемых приливными волнами, или на связанные с ними популярные образы. Землетрясения упоминаются и в Новом Завете в рассказе о распятии и воскресении.

Такие приливные волны были особенно разрушительны у финикийского побережья. От них, как и от подземных толчков, часто страдали Тир и Сидон. Особенно уязвимым перед ними Тир делала его высотная застройка, при которой отдельные здания достигали высоты в 70 футов (21 м) и более. Последнее сильное землетрясение на севере Сирии произошло в 1822 году и превратило Алеппо в числе других городов в груды развалин и уничтожило десятки тысяч человеческих жизней; в Палестине последнее землетрясение имело место в 1837 году и полностью разрушило Сафад.

Восточный хребет составляет четвертую полосу сирийского рельефа. Возвышаясь от места южнее Химса, он противопоставляет Ливану Антиливан¹⁶, почти равный по длине и высоте, быстро снижается от Хермона¹⁷ к плато Авран (Хауран) с его холмистым западным соседом Голаном (Джаулан)¹⁸, откуда в Трансиордании продолжается через Галаадские холмы в Моавское плоскогорье и заканчивается на горе Сеир¹⁹ южнее Мертвого моря.

Антиливан разделен плато и ущельем реки Барада (библейская Авана, античный Хрисорроас) на северную часть, в западной части которой практически нет селений, и южную часть с горой Хермон, одной из самых высоких, 9383 футов (2860 м), и самых величественных вершин Сирии, на чьих западных склонах процветает множество деревень. В основном по причине меньшего объема осадков и скудной растительности на Антиливане люди селились не так компактно и достигли не такого высокого развития, как обитатели Ливана. Население всегда стягивалось к нему из Восточной Сирии.

Беря исток в пышной высокогорной долине у деревни Эз-Забадани, Барада течет на восток, превращая в плодородные большую часть той сирийской земли, которая в противном случае была бы пустыней, и создавая Дамаск, оплот цивилизации в песках. Оросив знаменитые сады Дамаска, называемые Аль-Гута, чье благоухание подарило городу его почетное арабское прозвище Аль-Файха, река разделяется на пять рукавов или каналов, чтобы снабдить водой улицы и дома древнего мегаполиса. Нынешняя система водоснабжения Дамаска обязана своим происхождением еще первым халифам Омейядов.

Поверхность Авранского плато²⁰ имеет преимущественно вулканический характер с базальтовыми породами и плодородной почвой. Лавовое поле начинается в Тулуле, южнее Дамаска, и занимает территорию длиной почти 60 миль (96 км) – оно крупнейшее в Сирии. На северо-востоке оно ограничено черной каменной твердыней Аль-Ладжа, во все времена служившей убежищем – как о том свидетельствует ее арабское имя – для непокорных племен, а на юго-востоке – горным районом Джебель-Хауран, или Джебель-аль-Дуруз. Однако друзья поселились там лишь сравнительно недавно, в начале XVIII века, после гражданских беспорядков в Ливане. Средняя высота этого восточного бастиона Аврана, вторгающегося между ним и пустыней, составляет от 4000 до 5000 футов (1200–1500 м). Вулканическая область простира-

¹⁶ Лубнан-аш-Шарки («восточный Ливан»), Санир у арабских географов, которые в некоторых случаях именовали так только часть цепи.

¹⁷ Сирион в Пс., 28: 6; Втор., 3: 9; совр. Джабаль-аш-Шейх, «седая гора»; Джабаль-ат-Талдж, «снежная гора» у Аль-Макдиси.

¹⁸ От *ивр.* golan («цепь»), античный Гауланит.

¹⁹ *Ивр.* Se'ir, практически синоним Эдома.

²⁰ Античный Ауранит, библейский Васан, ассирийский Хаурану, «полая земля». В узком смысле Авран ограничивается великой равниной восточнее Аль-Джаулана, западнее Аль-Ладжи и Джебель-аль-Дуруза; в широком смысле и в качестве мутасарифата (административная единица) при османах он охватывает все три этих региона, а также Аджлун.

ется на запад, охватывая Аль-Джаулан. Безлесный, почти лишенный источников, Авран предоставляет обширные поля для выращивания пшеницы и хорошие пастбища. Почва состоит из размельченной черной лавы и красного суглинка, богата питательными веществами для растений и влагой и покрывает верхним слоем известняк, который в других местах выходит на поверхность. Археологические находки разнообразны: от дольменов, построенных первобытным человеком, до руин римских и византийских дорог, акведуков, водоемов, зданий и укреплений, которые свидетельствуют о его былом процветании и о том, что когда-то это была настоящая житница империи.

Вулканические зоны Аврана простираются на юго-восток через пустыню Хамад до каменистых полей Хиджаза, называемых харра²¹. Собственно Трансиордания продолжает верхне-меловые слои восточного хребта и достигает максимальной высоты на севере у горы Аджлун, 4137 футов (1261 м), и соседней горы Галаад²², 3397 футов (1035 м). На юге около Эль-Карака²³ она поднимается до 3775 футов (1150 м) над уровнем моря, в то время как слои песчаника в районе Петры возвышаются на 4430 футов (1350 м).

Плато северо-восточного Аврана и Трансиордания постепенно переходят в степи, харры и пески, которые в конце концов сливаются в великую Сирийскую пустыню (Бадият-аш-Шам). Это пятая и последняя четко определяемая зона в структуре страны. Равнины пустыни скалистые и богаты известью, но камни там встречаются редко. Она является продолжением великой Аравийской пустыни, ее сирийской частью, и отделяет Сирию от Ирака. Это пустынный участок, вклинившийся между восточным и западным рогами Плодородного полумесяца. Пустыня, граничащая с восточным рогом, или Ирак, называется в своей северной части Бадият-эль-Джазира (Месопотамская пустыня), а в южной части – Бадият-эль-Ирак или Ас-Самава. Поверхность юго-западной половины сирийской пустыни Хамад частично каменистая, частично песчаная и весной покрывается травой. Сиро-иракская пустыня представляет собой огромный треугольник, основание которого расположено у залива Акаба на западе и залива Кувейт на востоке, а вершина подходит к Алеппо на севере. В самой широкой части пустыня составляет около 800 миль (1290 км). Обитающие в ней кочевники торгуют с оседлым населением с обеих сторон, выступают в качестве посредников, проводников и караванщиков, а в отдаленные времена построили такие города, как Пальмира, лежащие на пути через пустыню между востоком и западом. Много веков их кровь постоянно вливалась в население городов, повышая их биологическую жизнеспособность, обеспечивая свежие вливания либо путем военных завоеваний, либо путем мирного проникновения. Но обычно бедуины не испытывают желания осесть на одном месте и в поисках пастбищ для своих стад бродят по пустынным равнинам, которые зарастают травой после дождя. Бедуины радушно приветствуют гостей, но не новшества. Если в оседлом сообществе основа прогресса заключается в попытках изменить и адаптировать к себе условия жизни и окружающей среды, то секрет выживания кочевого сообщества состоит в том, чтобы принять эти условия и самому приспособиться к ним.

Несколько рек, стекающих по восточным склонам Сирийского восточного хребта, терпят поражение в борьбе с пустыней и теряются в ее бесплодной почве. Соперничество между возделанной землей и пустынной, древнее, как само время, является ключевым аспектом физической географии этой части страны. Пустыня, которая во многом напоминает морскую гладь, на протяжении веков в своем движении походила на могучее море с бесконечными циклами приливов и отливов. Эта борьба отражается в столь же извечном конфликте между бедуинами, «голью перекастной», кочевниками пустыни, и оседлыми земледельцами, «толстосу-

²¹ «Вулканическое поле» (араб.).

²² На ивр. твердая, каменистая местность; араб. Джилад.

²³ Крак-де-Моав крестоносцев.

мами» с плодородных равнин. За столетия до и столетия спустя после израильтян алчущие взгляды обращались из пустыни к соседним землям, «текущим молоком и медом».

Глава 5

Окружающая среда

Геологические и географические особенности сцены, на которой разыгрывалась драма сирийской истории, была описана в предыдущей главе. В этой же главе мы рассмотрим такие ее физические характеристики, как климат, флора и фауна.

Преобладающей чертой сирийского климата является чередование дождливого сезона с середины ноября по конец марта и засушливого сезона. Подобное вообще характерно для всего Средиземноморского региона и объясняется его расположением на границе между двумя зонами резко контрастирующей спецификой выпадения атмосферных осадков: с сухими пассатами и пустынными районами Африки на юге и западными ветрами на севере. Именно эти влажные ветры с запада круглый год несут с собою дожди из Атлантики в Центральную и Северную Европу. Зимой они преобладают в Сирии; летом же зона зноя сдвигается севернее от экватора, и в стране на несколько месяцев наступает засушливая погода, как в Сахаре. Преобладающие западные ветры, иногда связанные со штормовыми циклонами, проносясь над Средиземным морем, наполняются влагой. Затем они на своем пути сталкиваются с Ливаном и центральным горным хребтом Палестины и поднимаются. При подъеме воздух расширяется и неизбежно расстается с частью своего содержимого в виде дождя. Близость к морю, географический рельеф, высота над уровнем моря, расстояние от пустыни и взаимодействие средиземноморского и сахарского влияний таким образом являются определяющими климатическими факторами. Как следствие прибрежная полоса западного края Сирийского нагорья получает наибольшее количество годовых осадков, которое уменьшается по мере продвижения с запада на восток и с севера на юг.

После нагорья в центральной части Палестины выпадает небольшое количество осадков вплоть до региона на востоке, где воздух, встречая трансйорданские горы, поднимается и расстается с остатками влаги, таким образом почти пропуская южную долину Иордана. После Ливана, обеспечивающего двойной экран от дождя, Дамаск получает всего 254 мм осадков в год.

Среднегодовая температура в Бейруте составляет 20 °С. В прибрежных районах Ливана влажность достигает максимальных значений, как ни странно, в июле – в среднем 75 %, минимума – в декабре, в среднем 60 %. Зимой плотные, холодные и сухие антициклонические влияния Центральной Азии распространяются на восточную часть сирийского плато, принося на него мороз и снег – явления, которые почти не встречаются в приморских районах.

У побережья температура смягчается под влиянием моря, которое зимой теплее, а летом холоднее, чем суша. Преграда в виде двойной стены с промежуточным рвом не дает холодным ветрам попасть вглубь страны. Из пустыни дуют пыльные ветры, и летом в таких городах, как Дамаск и Алеппо, устанавливается сильная жара. Порой столбик термометра в Палестине в тени доходит до 38 °С; в долине реки Иордан зной может достигать 54 °С. Самый ужасный из восточных и юго-восточных горячих ветров – это самум, или сирокко, особенно гнетущий и сухой, при котором влажность порой опускается ниже 1 %, из-за чего даже трудно дышать. Эти ветры обычно дуют весной и осенью, когда нередко добираются до побережья и объявляют о начале дождливого сезона. На краю пустыни он часто несет с собой клубы мелкого, всепроникающего песка. По всей вероятности, именно такой ветер дул в тот день, который выбрал арабский полководец-мусульманин для решающей битвы с византийской армией, защищавшей Сирию, при Ярмуке в 636 году.

Большая часть дождевой воды впитывается известняковой породой, покрывающей значительную площадь, и таким образом теряется. Часть скапливается в подземных каналах и изливается на поверхность в виде источников. Иначе говоря, преобладание известняка

в Ливане и Палестине становится дополнительным неблагоприятным фактором вдобавок к вышеописанному второстепенному – слепящему пыльному ландшафту. Это ограничивает водоснабжение и приводит к сокращению мест, пригодных для поселения, особенно в Анти-ливане.

Та часть воды, которая не просачивается через слои известняка, втекает в ручьи и реки, которые после каждого проливного дождя превращаются в бурные потоки, а в летнюю засуху постепенно мельчают и порой вовсе пересыхают. Стремительный сход воды с высокогорий с сопутствующими процессами эрозии и обнажения поверхности на протяжении веков привел к тому, что когда-то густо-зеленые участки становились бесплодными. Этот феномен ввел в заблуждение некоторых ученых, которые полагали, что уже в исторические времена в Сирии и соседних землях произошли существенные климатические изменения в направлении их иссушения. Как мы увидим ниже, эта гипотеза основана на совершенно ошибочных рассуждениях. Никакие изменения климата или колебания количества осадков не могут объяснить, казалось бы, странное явление, нередкое в восточной части Сирии: наличие обширных площадей, которые когда-то были густо-населены и процветали, но затем обнищали и опустели. Практически идентичность сельскохозяйственных культур с древних времен (за исключением растений, завезенных арабами с Востока в Средневековье и выходцами из Нового Света в современную эпоху), постоянство методов обработки почвы и сохранение в течение веков почти одних и тех же сезонных дат начала пахоты и уборки урожая не позволяют утверждать, что причина иссушения заключается в изменившемся климате. Истинные причины снижения производительности земель кроются в обнажении склонов из-за потоков дождевой воды и ветра, пересыхания отдельных источников, вырубке лесов и выпаса скота, из-за чего корни растений уже не могут удерживать рыхлую почву, а также из-за халатного отношения к ирригационной системе или ее разрушения в ходе вторжений варваров и нападений кочевников и возможного истощения почвы в некоторых местах.

На территории Сирии соседствуют три контрастные зоны растительности. Для прибрежной равнины и нижних уровней западной возвышенности характерна обычная флора средиземноморского побережья. Этой зоне свойственны вечнозеленые кустарники и быстро расцветающие, очень душистые весенние растения. Там активно возделываются растения, входящие в число основных пищевых культур человека, например пшеница, ячмень, просо (дхура), которые были там впервые одомашнены. Кукуруза появилась позднее. К луку, чесноку, огурцам и другим овощам, известным с самых давних времен, позже прибавились помидоры, картофель и табак, завезенные из Нового Света. Почти все американские зерновые культуры (кроме кукурузы и некоторых видов овса), овощи и фрукты, типичные для умеренного пояса (кроме пекана и хурмы), завезены из Азии, а точнее, с Ближнего Востока, через Европу. Табак из Ладикии (Латакия) славится по всему миру. Ассортимент известных с древних времен плодов, включая инжир, оливки, финики и виноград, впоследствии обогатился новыми видами, такими как бананы и цитрусовые. Сахарный тростник завезли с Востока арабские завоеватели. Выращивание некоторых из перечисленных культур требует дополнительного орошения из-за недостатка летних дождей, и на горячем средиземноморском солнце, чьи беспощадные лучи почти каждый день обжигают пересохшую землю в течение всего засушливого времени года, они вызревают до идеального состояния. Из деревьев в данной зоне преобладают кустарниковые виды дуба, средиземноморские сосны, шелковица и буки (зан). Нет никаких сомнений, что раньше лиственных деревьев было больше. Сокращение лесной зоны оказалось чрезвычайно пагубным, так как леса замедляли эрозию почвы на возвышенностях.

Вдоль гребней Ливана и Антиливана зимнее понижение температуры губительно для субтропических пальм и приморских кустарников, и там выживают только такие выносливые деревья, как ели, кедры и другие хвойные растения. Это – вторая зона растительности. Возвы-

шенности Антиливана, сухие в своей северной части, представляют разительный контраст с Западным Ливаном.

В третьей зоне растительности – каньонообразном желобе и плато Восточной Сирии – сильный зной вследствие уменьшения количества осадков создает степной климат, при котором деревья практически исчезают, травы, как правило, существуют лишь в течение одного сезона, и выживают только грубый кустарник. Малое количество деревьев и преобладание сухого, колючего кустарника также характерно для плато на краю Сирийской пустыни. Оронт и Иордан текут по глубоким ложам и мало пригодны для орошения.

К счастью, трансйорданские и авранские плато расположены так, что противостоят широкому ветровому ущелью, образованному сравнительно низкими холмами Самарии и Галилеи, и достаточно высоки, чтобы конденсировать необходимое количество влаги, чтобы создать условия для выпаса скота. В древности, как и в наше время, Авран был житницей Сирии и, вероятно, источником вывоза пшеницы из Палестины в Тир и даже в Грецию.

Эти три зоны растительности формируются благодаря тому, что в Сирии встречаются два четко различающихся растительных региона: средиземноморский и западноазиатский степной. Промежуточное положение Ливанских гор вводит новый элемент, меняя условия в силу непосредственного воздействия высоты. Поэтому переход от средиземноморского к континентальному влиянию происходит исключительно быстро, благодаря чему банановые плантации, лыжные курорты и пустынные оазисы находятся в пределах 60 миль (96 км) от моря. Но везде контраст между весенним ландшафтом с самой пышной зеленью и летним, когда усилившаяся жара иссушает растительность, чрезвычайно резок.

В древности единственными плодовыми растениями, которые выращивались в больших масштабах, были три устойчивых к засухе вида: инжир, виноград и олива. Финикийцы завезли виноград на греческие земли, а затем и в Италию. Олива сопровождала виноградную лозу или следовала за ней на ее пути с востока на запад. Оливковое дерево требует мало, а дает много. Его плоды составляли и по сию пору составляют один из основных продуктов питания в рационе беднейших классов. Южнее Бейрута на несколько миль простирается один из крупнейших оливковых садов мира. Оливковое масло употреблялось в пищу вместо сливочного масла, которое быстрее портится, и для освещения в лампах, для приготовления мазей и благовоний, а также в лечебных целях. Оно наполняло рог Самуила, когда он помазал на царство первого царя над Израилем, и приобрело такую святость, что и по сей день – в виде елея – используется для соборования умирающих. Жмыхом, оставшимся после давления масла, кормили животных, а косточки служили топливом. С тех пор, как голубка, выпущенная Ноем, вернулась с оливковой ветвью, листья оливы стали символом мира, знаком счастья. В Книге Судей (9: 8) описывается договор между палестинскими деревьями, которые признают превосходство маслины и призывают ее царствовать над ними.

Ливанский кедр из рощи над Бишари, помещенный на герб Республики Ливан и Американского университета Бейрута

Самое величественное и прославленное среди ливанских деревьев – это, конечно, кедр (*Cedrus libani*), такие достоинства которого, как крепость (Пс., 28: 5), долговечность (Иер., 22: 14), величие (4 Цар., 14: 9; Зах., 11: 1–2) и пригодность для резьбы (Ис., 44: 14–15), восхва-

ляли древние поэты, пророки и историки. Древним ливанцам кедр давал превосходный лес для строительства морских судов и привлекал царей из долин Тигра, Евфрата и Нила, где не произрастали высокие деревья. К сожалению, сегодня Ливан уже не славится им так, как было прежде (Ис., 35: 2; 60: 13). От него остаются лишь небольшие рощи – словно букеты на нагой груди Ливана, самая известная из которых та, что растет выше Бишари, где по сей день насчитывается больше четырехсот деревьев, отдельным из которых, быть может, уже исполнилась тысяча лет. Самый высокий из них достигает примерно 80 футов (24 м). Обычно их называют арз ар-Рабб – кедры Господа. Кедр помещен на герб современной Ливанской Республики. Более молодая роща сохранилась на юге, выше Аль-Барука, где его называют убухул²⁴. Многовековая эксплуатация сосновых и кедровых рощ, кульминацией которой стала их вырубка турками-османами на топливо для железной дороги в 1914–1918 годах, не только лишило горы лучших деревьев, но и ускорило процесс эрозии, которая всегда затрудняет процесс восстановления леса.

Козы и овцы, особенно козы, усугубляли процесс эрозии, поедая траву и молодые побеги на горных склонах, из-за чего почва становилась более рыхлой и более подверженной воздействию стекающей воды. Из-за рельефа Ливанских гор и избыточного дренажа палестинского нагорья Сирия всегда имела скудные естественные пастбища для скота и лошадей, но овцы и козы могли найти себе достаточно пропитания.

Изначально американское дикое животное, лошадь в те далекие доисторические времена, когда Америка и Азия образовывали единый континент, добралась до Восточной Азии. В диком виде она встречается в Палестине еще в натуфийские времена. Одомашнена лошадь была в ранней Античности где-то восточнее Каспийского моря индоевропейскими кочевниками. Позже касситы во множестве завезли лошадей в Месопотамию, а оттуда они попали в Западную Азию примерно за два тысячелетия до н. э. Хетты передали лошадь лидийцам, лидийцы – грекам. Гиксосы ввезли лошадей в Сирию, а затем в Египет примерно за восемнадцать веков до н. э. Из Сирии они также до начала христианской эры были завезены в Аравию, где арабская порода осталась более чистокровной, чем какая-либо другая где бы то ни было.

Как и лошадь, верблюд имеет американское происхождение и перебрался в Северо-Восточную Азию миллионы лет назад. Оттуда он попал через Кашмир и Индию, где найдены его ископаемые кости, в Северо-Западную Аравию, а оттуда в Южную Сирию. Первое известное упоминание о верблюде в литературе содержится в Книге Судей (6: 5), где описывается вторжение мадианитян в Палестину в XI веке до н. э. Самые ранние из известных изображений этого животного относятся к каменному веку и были недавно обнаружены в Килве, Трансиордания, – это две резные фигуры, причем одна из них изображена позади горного козла эпохи мезолита. Это маленький одногорбый верблюд, который до сих пор остается типичным арабским верблюдом. Прекрасный рисунок дромадера с наездником найден в Тель-Халафе и датируется примерно 3000–2900 годами до н. э. Присутствие всадника не оставляет сомнений в том, что животное было одомашнено. В Джебейле статуэтка египетского происхождения, датируемая первой половиной 2-го тысячелетия до н. э., изображает верблюда, лежащего в характерной позе. Другие египетские статуэтки, относящиеся к Древнему царству (ок. 2500 до н. э.), найденные в Джебейле, не оставляют никаких сомнений в том, что уже в то время верблюды использовались в качестве вьючных животных.

Другое животное, завезенное из засушливой Азии через Аравию, – это древняя порода длинношерстных овец с широким, толстым хвостом, которая до сих пор весьма распространена. Упоминается в библейской и классической литературе. Странный обычай откармливать

²⁴ Строго говоря, это вид можжевельника (*Juniperus sabina*); *ивр.* ezez, *араб.* arz – это кедр. Но эти два слова часто путают. Дерево ezez, которое использовалось в ритуальном очищении после прикосновения к прокаженному (Лев., 14: 4) или мертвому телу (Числ., 19: 6), – это, несомненно, можжевельник, который рос в пустыне и у воды (Числ., 24: 6).

овец, сохранившийся в Ливане, засовывая пищу в рот и двигая челюстью рукой, был известен в Древнем Египте, о чем свидетельствуют рельефные скульптуры животных, похожих на газелей или коз, на гробницах, восходящих к VI династии.

Помимо верблюда и лошади, в Сирии водятся осел, мул и другие тягловые животные, а помимо коз и овец, в число домашних животных входят коровы, собаки и кошки, прирученные еще в глубокой древности. Крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и куры – все это азиатские животные, одомашненные и завезенные в Европу, а оттуда в Америку. Типичные дикие животные – гиена, волк (ныне редкий), лиса и шакал, косуля и лань. Газели, которые могут долго оставаться без воды, быстро исчезают. Удивительный орикс, способный жить в пустыне и выживать без воды, на сегодня, вероятно, вымер. Последние страусы, очевидно, убиты в конце 1920-х годов в Джебель-ат-Тубайке. Львы и леопарды, обычные во времена крестовых походов, уже перевелись. Широко распространены змеи, ящерицы и скорпионы, особенно в южной части страны. Типичные птицы – орел, стервятник, сова, куропатка и другие, знакомые нам по книгам Библии.

Часть вторая Древние семиты

Глава 6 Появление семитов

В самых общих чертах историю народов Сирии можно разделить на пять основных этапов:

- 1) дописьменная эпоха;
- 2) семитский период, начиная с амореев (примерно за 2500 лет до н. э.) и заканчивая падением Нововавилонской (халдейской) империи в 538 году до н. э., за чем последовало персидское господство;
- 3) греко-римский период, начиная с завоеваний Александра Македонского в 333 году до н. э. и заканчивая вторжением арабов в 633–640 годах н. э.;
- 4) арабо-исламский период вплоть до завоевания Сирии турками-османами в 1516 году;
- 5) османский период, закончившийся с Первой мировой войной.

На протяжении всей этой долгой и пестрой истории вряд ли было такое время, когда Сирия во всей полноте являлась независимым суверенным государством под властью своих местных правителей. Ее принудительное объединение всегда осуществлялось по воле внешних сил. Как правило, она либо входила в большее целое, либо была разделена между местными или иноземными государствами. Только на второй стадии государства Селевкидов (301–141 гг. до н. э.) со столицей в Антиохии и во времена Омейядского халифата (661–750 гг. н. э.) со столицей в Дамаске политический центр притяжения находился в самой Сирии. При мусульманах-мамлюках (1250–1516) она была придатком Египта. В Египте Нил, а в Месопотамии Евфрат служили объединяющими силами государства. В Сирии же не существовало такого физического фактора. В действительности ее физическая структура способствовала скорее разделению, нежели единству.

Название «Сирия» по форме греческое. В угаритской литературе ее упоминания имеют вид SHRYN, а на иврите – Siryon²⁵, под чем понимался Антиливан. Позднее понятие расширилось, и название части стало включать в себя целое. Слово «Ливан» тоже семитское, но встречается в более ранних клинописных записях. Район северного Евфрата был известен вавилонянам как SU-RI. Между «Сирией» и «Ассирией», вероятно, нет этимологической связи. В греческие и послегреческие времена значение термина расширилось и стало применяться ко всей стране. Так это и оставалось до Первой мировой войны. Обычно он охватывал территорию между Тавром и Синаем, Средиземным морем и Иракской пустыней. Для Геродота Палестина была частью Сирии, как и для турок, а ее жители – палестинскими сирийцами. Вильгельм Тирский и другие историки крестовых походов тоже считали Палестину частью Сирии. Слово «Палестина» происходит из греческого языка, хотя изначально это была «Филистия» – в этом имени увековечено название индоевропейцев-филистимлян, которые занимали приморский регион во второй половине XIII века до н. э., примерно в то же время, когда израильтяне из Египта пытались занять внутренние районы. Отсюда название распространилось на всю территорию вплоть до пустыни.

²⁵ Втор., 3: 9; Пс., 28: 6.

Понятия «Сирия» и «сирийский» не встречаются в оригинальном древнееврейском языке Писания, однако в Септуагинте так называются Арам и арамеи. Некоторые античные авторы ошибочно именуют сирийцев ассирийцами. Арабы дали стране новое название – аш-Шам («тот, что слева», то есть север), в противоположность аль-Яману («тот, что справа», юг), все это если смотреть от Хиджаза. На английском языке слово *Syrian* («сирийский», «сириец») до недавнего времени применялось в качестве этнического термина, обозначающего жителей всей Сирии, но затем стало обозначать только гражданина Сирийской Республики²⁶. В качестве лингвистического термина оно относится ко всем народам, говорящим по-сирийски (по-арамейски), включая народы Ирака и Ирана, а в качестве религиозного понятия – к приверженцам древнехристианской сирийской церкви, часть которых расселилась вплоть до самой Южной Индии.

У римлян *Syrgus* означало любого говорящего на сирийском языке человека, но римская провинция Сирия простиралась от Евфрата до Египта. Так же ее границы определяли и арабские географы, в них же ее признавали и до конца Османского периода. Физическая цельность этого региона, который в прошлом обычно назывался Сирией, соответствует культурной цельности, но не этнической или политической. Он представляет собой более-менее единообразную область цивилизации, резко отличающуюся от прилегающих областей. Только между ним и другим, восточным, рогом Плодородного полумесяца культурная граница всегда была подвижной.

В истории Сирии и ее народа определяющими являются три фактора: во-первых, ее географическая конфигурация как совокупности различных регионов, отраженная в смешанном населении, – безумно пестрый винегрет из этнических групп и религиозных конфессий. Ландшафт ее настолько изрезан, что нигде географические условия не создавали достаточно широких возможностей для развития сильного и всеобъемлющего государства. Второй фактор – это ее стратегическое положение в качестве связующего звена между тремя историческими частями света, из-за чего ей со всех сторон угрожали опасности и военные вторжения. Вавилоняне и ассирийцы, египтяне, хетты, персы, македоняне и римляне, арабы, монголы и турки, а также крестоносцы нападали на страну в разные периоды времени и оккупировали ее территорию, частично или полностью. Третий фактор – это ее близость к двум древнейшим очагам активной культуры: шумеро-вавилонской на востоке и египетской на юге. В последующие времена через морские маршруты страна была открыта для индоевропейских влияний из Крита, Греции и Рима, а через сухопутные – для индоиранских влияний из Персии и Индии.

Благодаря постоянным и легко устанавливаемым контактам с внешним миром через важные международные пути Сирия испытывала на себе космополитическое влияние и принимала наплыв остатков уничтоженных сообществ. В ее южной части современный бахаизм нашел защиту от разрушения и бок о бок сосуществует с таким окаменелым пережитком древней веры, как самаритянизм. В центральной части до сих пор прекрасно уживаются общины друзов и маронитов, берущие начало еще в Средневековье. На севере до сих пор остаются секты нусайритов и ассасинов.

Эту великую международную артерию можно проследить от самых ее зачатков в дельте Нила, откуда она идет вдоль побережья Синайского полуострова, а оттуда одна ветвь отходит на юг к медным и бирюзовым копьям полуострова, а другая устремляется немного дальше на восток – в благоуханные земли Южной Аравии. Затем она поворачивает на север вдоль палестинского побережья, не очень близко к морю, в сторону горы Кармель. Здесь снова раздваивается: одна часть огибает побережье, следуя через города Тир, Сидон, Библ и другие сирийские порты, а другая поворачивает вглубь страны через долину Мегиддо, через Иордан в его северном течении, а затем прямо на север, в Дамаск. Здесь эта ветвь пересекает Сирийскую

²⁶ В арабском языке есть различие: *sugī* означает первых, а *syriyani* – вторых.

пустыню через Пальмиру, связывая центр Сирии с центром Месопотамии, который друг за другом представляет Вавилон, Ктесифон и Багдад. Из Дамаска главная магистраль поворачивает на запад, пересекает Антиливан в ущелье Забадани и направляется на север, следуя за Оронтом (совр. Эл-Аси) через Кадеш в Северную Сирию. По пути в Кадеш от нее отходит ветвь, которая соединяется со Средиземноморьем через ущелье Нахр-аль-Кабир; по тому же маршруту следует современная железная дорога. После того как одно ответвление уходит в Северную Сирию через Сирийские ворота Аманоса к морю, а другое – на северо-запад через Киликийские ворота Тавра в Малую Азию, главная дорога далее движется на восток через Сирийскую седловину до Евфрата, а затем до Тигра и на юг до Персидского залива.

Саргон, Синахериб, Навуходоносор, Александр, Помпей, Амр ибн аль-Ас, Наполеон, Алленби, Авраам, Моисей, Святое Семейство – все они и многие другие в свое время прошли по этому долгому караванному пути. В древности и Средневековье по нему текли выюки со слоновой костью и золотом из Африки, миррой, ладаном и пряностями из Индии и Южной Аравии, янтарем и шелком из Средней Азии и Китая, пшеницей и древесиной с сирийских гор и равнин. Но караваны везли помимо этого еще и невидимый груз идей. Пшеницу съедали. Янтарь шел на удовлетворение мимолетного каприза какой-нибудь девицы. Но идеи не исчезали бесследно. Одни дали ростки в умах сирийцев и внесли свой вклад в формирование этой сложной культуры, которую мы называем сирийской и которая представляла собой слияние местных элементов с другими из окружающих культур. Сам местный элемент представлял собой переработку того, что осталось после бесчисленных миграций и вторжений.

Четвертым из определяющих исторических факторов является то, что на протяжении всей своей истории эта страна, особенно у ее восточных и южных границ, представляла собой арену непрекращающейся борьбы между кочевниками и оседлыми земледельцами. Одним из важнейших импульсов во всей истории Ближнего Востока были повторяющиеся набеги и вторжения бедуинов, жаждавших той более полной жизни, которую вело городское население прилегающих земель. Большая часть истории Сирии – это история всплесков и оттоков неугодных, полуголодных соседей по пустыне, вознамерившихся занять пахотные земли каким угодно путем, мирным или насильственным. Не обремененные имуществом, обладая большей мобильностью и выносливостью, жители палаток имели преимущество перед жителями домов. История древних израильтян, запечатленная на страницах Ветхого Завета, самым подробным образом иллюстрирует этот многолетний переход от кочевой к городской жизни. Но израильтяне были не первыми семитами, которые совершили такой переход. Многие семиты до них и многие после них прошли через те же этапы в их отношениях с Сирией.

Слово «семит» происходит от ветхозаветного имени Шем через латинскую Вульгату, при этом предполагается, что семиты – это потомки старшего сына Ноя. Однако в научном обиходе это лингвистический термин; он обозначает тех, кто говорит или говорил на том или ином семитском языке. Семитские языки в настоящее время признаются отдельной семьей, куда входят ассиро-вавилонский (аккадский)²⁷, ханаанский (финикийский), арамейский, иврит, арабский и эфиопский. Члены этой семьи проявляют поразительное сходство, а как группа в целом отличаются от других лингвистических групп, причем ближайший родственник им язык – хамитский. Основные схожие элементы в языках этой семьи следующие: главная глагольная трехконсонантная основа, система времен всего с двумя формами (фактически видами) – совершенной и несовершенной, и спряжение глаголов по одной и той же схеме. У всех членов семитской семьи базовые слова – например, личные местоимения, существительные, обозначающие кровное родство, числительные и основные части тела – почти одинаковы.

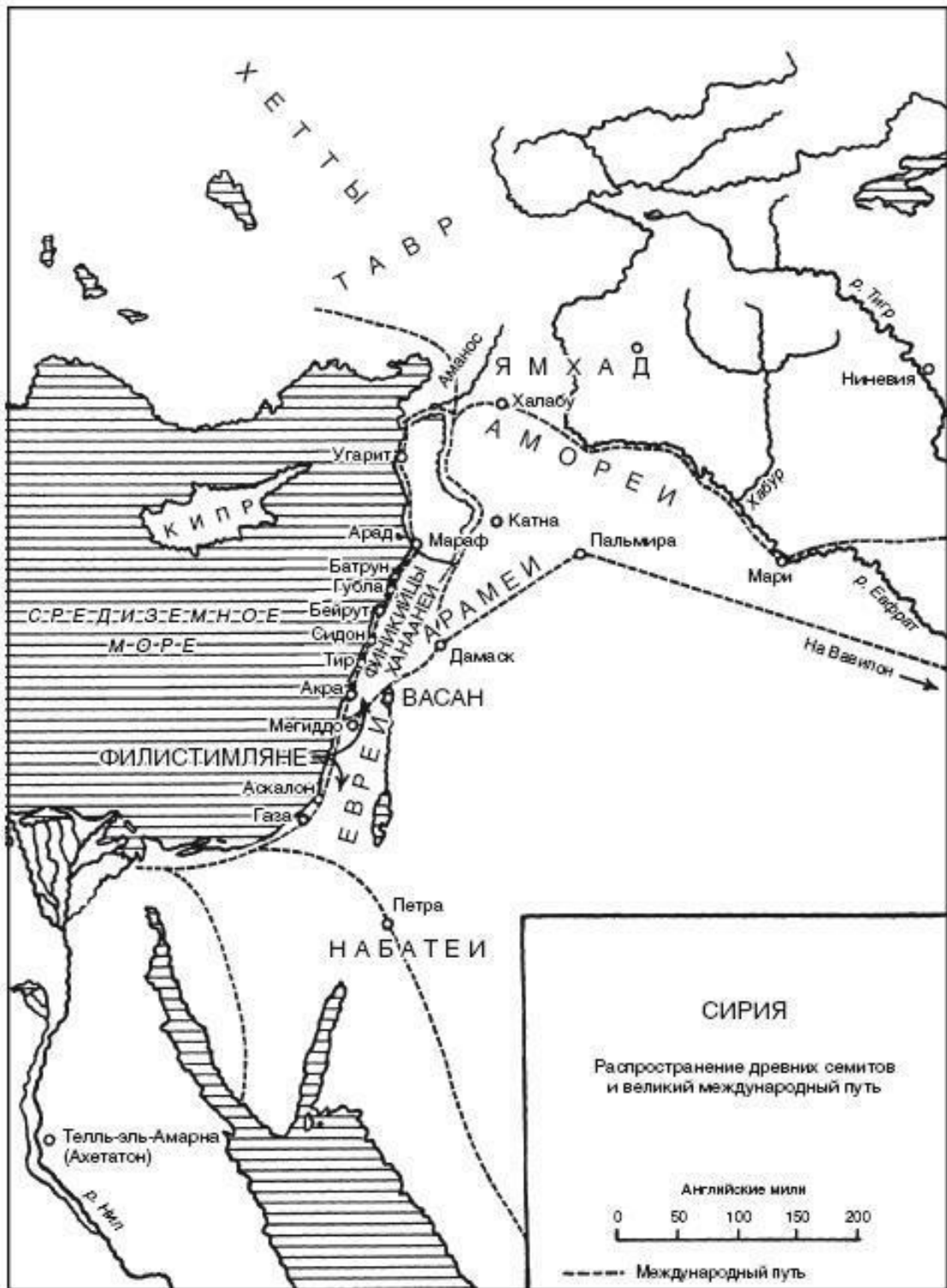
²⁷ Первоначально словом Akkad(u), семитский эквивалент шумерского Agade, называлась столица Саргона, основателя первой семитской империи, но позднее оно стало обозначать всю страну. Город находился в месте сближения Тигра и Евфрата и упомянут в Быт., 10: 10.

Это лингвистическое родство между семитоязычными народами является наиболее важной, но не единственной связью, оправдывающей объединение их под одним именем. Сопоставление их социальных институтов, религиозных убеждений, психологической специфики и физических черт показывает удивительное сходство. Так, мы приходим к неизбежному выводу: по крайней мере, некоторые предки тех, кто говорил на вавилонском, ассирийском, аморейском, ханаанском, еврейском, арамейском, арабском и абиссинском языках, – еще до того, как они подобным образом дифференцировались, – должны были образовывать единую общность, говорящих на одном языке и обитающих в одной местности.

Где обитала эта общность? По самой правдоподобной теории, ее родиной был Аравийский полуостров. Географические доводы в пользу Аравии включают в себя пустынный характер местности, с трех сторон окруженной морем. Всякий раз, когда численность населения превышает возможности этой узкой обитаемой полоски земли обеспечивать достаточное пропитание, оно начинает искать себе дополнительное пространство, которое наличествует только на севере, в более плодородной соседней земле. Это, в свою очередь, связано с экономическим доводом, согласно которому арабские²⁸ кочевники всегда вели полуголодное существование, и среди мест, где они могли удовлетворить свои потребности, Плодородный полумесяц находился к ним ближе всего.

Примерно за 3500 лет до н. э. семиты в процессе миграции с полуострова двинулись на северо-восток, и входившие в их состав кочевые племена разошлись среди оседлого и высокоцивилизованного шумерского населения Месопотамии, таким образом произведя на свет исторических аккадцев (позже названных вавилонянами). Вступая в браки и смешиваясь с несемитскими предшественниками в регионе Тигра и Евфрата, семиты перенимали у них знания о строительстве и оседлой жизни, растениеводстве и ирригации земли и, что еще важнее, о чтении и письме. Семитский язык, который они принесли с собой, занял главенствующее положение и стал средством, которым евфратская культура выражала себя на протяжении бесчисленных поколений.

²⁸ Разграничение между «аравийцами» как обитателями Аравийского полуострова и «арабами» как народами, говорящими по-арабски, – которые по национальной принадлежности могут быть персами, месопотамцами, сирийцами, египтянами и так далее, в результате мусульманского завоевания усвоившими арабский язык и в основной своей массе обратившиеся в ислам, – впервые было рекомендовано автором в труде *History of the Arabs*.

Около тысячелетия спустя после первой миграции новый поток племен из пустыни привел амореев на северные равнины Сирии. Эта миграция охватывала и народ, который позднее участвовал в оккупации приморской равнины и называл себя ханаанеями, а греки, с которыми они вели торговлю, звали их финикийцами.

Между 1500 и 1200 годами до н. э. третий исход из Аравии привел арамеюв в Келесирию и Дамаск и расселил евреев по южной части страны. Около 500 года до н. э. еще один поток аравийцев привел к образованию к северо-востоку от Синайского полуострова Набатеяского

царства со столицей в Петре, достигшего впоследствии при покровительстве римлян необычайно высокой степени развития.

Последний громадный поток нахлынул из Аравии уже в начале VII века н. э., подняв знамя ислама и охватив не только Сирию, но и весь остальной Плодородный полумесяц, а также Египет, Северную Африку, Персию и даже Испанию и части Средней Азии. Эту миграцию в качестве исторического довода приводят сторонниками теории об Аравии как прародине семитов. К нему они добавляют лингвистический довод о том, что арабский язык во многом сохранил самое близкое родство с семитским материнским языком, в который все семитские языки когда-то входили в качестве диалектов, а также психологический довод о том, что арабийцы, особенно жители пустыни, сохранили в себе чистейшие семитские черты.

Эти человеческие разливы, разделенные между собой примерно тысячей лет, – именно такой срок требовался, чтобы до краев заполнить человеческий резервуар Аравии, – иногда называют волнами. На самом деле они больше похожи на другие передвижения народов в истории, которые начинаются с того, что с места снимаются лишь несколько человек, за ними следуют другие, потом их становится все больше, пока течение не достигает пика, а затем не начинает отступать. Время миграции – это время ее пика или тот момент, когда она становится явно выраженной, хотя в действительности могла занимать десятки лет до и после этого момента.

Глава 7

Аморей: первая крупная семитская общность в Сирии

Из крупных семитских народов, искавших и нашедших себе новое место под солнцем в Сирийском регионе, первой была группа, самоназвание которой нам неизвестно, однако восточные соседи-шумеры звали ее амореями. Следовательно, это слово не семитское. Оно означает «люди с запада». Название аморейской столицы Мари, находившейся несколько ниже устья Хабура (тоже шумерское слово), этимологически идентично названию страны A-MUR-RU, MAR-TU, «западная земля»; таково же было имя и их древнейшего божества – бога войны и охоты. Позже вавилоняне стали называть так всю Сирию, а Средиземное море для них было «великим морем Амурру».

Первое упоминание о стране амореев встречается еще во времена Саргона (ок. 2250 до н. э.) – это первое великое имя в семитской истории. Постепенно аморейцы начинают появляться в Центральной Сирии, Ливане и на юге вплоть до Палестины. Есть мнение, что у слов «Ливан», «Сидон» и «Аскалон» аморейские окончания. Амрит²⁹ на северном финикийском побережье увековечил в себе это имя. Именно в то время Сирия, за исключением отдельных областей, населенных хурритами и другими несемитскими племенами, впервые была осемичена и оставалась таковой много веков до сегодняшнего дня. До того, как Саргон захватил Амурру, его столица Мари была главным городом одной из ранних шумерских династий. Саргон сверг шумерского завоевателя Лугальзагеси из Урука, который в одной из своих надписей утверждает, что «он покорил земли от восхода солнца до заката солнца» и что «направил свой путь от Нижнего моря, от Евфрата и Тигра до Верхнего моря». В течение XX века город и страна вокруг него стали аморейскими по населению, культуре и правительству. Семитским захватчикам пришлось поселиться среди более древнего и более цивилизованного месопотамского общества, и можно предположить, что до того момента они скитались по северным территориям и Бекаа как бедуины, следуя за своими стадами.

Этот переход от пастушеской к земледельческой стадии запечатлел шумерский поэт, который жил незадолго до 2000 года до н. э., когда аморейцы оккупировали Вавилонию:

Аморейю друг – его оружие...
Он не ведает смирения.
Он ест сырое мясо,
Всю жизнь не владеет домом,
Своих мертвецов не хоронит.
[Теперь] у Марту есть дом [?]...
[Теперь] у Марту есть зерно.

Возможно, кочевали они в основном на ослах; верблюды были еще не так широко распространены как домашние животные. В XVIII веке ослы у них по-прежнему использовались для жертвоприношений.

Аморейцы не только основали государство на среднем Евфрате и захватили всю Сирию, но и овладели и стали управлять самой Месопотамией. Между 2100 и 1800 годами до н. э. они основали несколько династий от Ашшур на севере до Ларсы на юге. Наиболее важной среди них была Вавилонская династия, впервые возникшая именно в этом городе, к которой при-

²⁹ Египетский 'MRT, античный Мараф.

надлежал древнейший великий законодатель древности Хаммурапи (умер ок. 1700 до н. э.)³⁰. Этот самый Хаммурапи покорил Амурру и включил его в свою Вавилонскую империю.

Вследствие этого завоевания Мари погрузился в забвение до тех пор, пока археологи не провели раскопки, которыми руководил Андре Парро, в месте под названием Телль-аль-Харири («курган шелкового человека»). Сделанные там находки принадлежат к одним из самых выдающихся открытий современности. Они включают в себя 20 000 клинописных табличек – такой многочисленной коллекции не найдено нигде за пределами Ниневии. Язык в основном аккадский, но лексика и грамматические особенности не оставляют сомнений в том, что писавшие их говорили на аморейском или западносемитском языке, отличающемся от аккадского или восточносемитского. Таблички относятся к архивам Зимри-Лима (ок. 1730–1700 до н. э.), последнего царя Мари, чье царство было разрушено величайшим правителем эпохи – Хаммурапи. Среди табличек есть письма царей и сановников, деловые, административные и хозяйственные документы и ценные отчеты. Из одного послания следует, что в то время были уже известны колесницы, запряженные лошадьми, из другого – что система сигнальных костров применялась в качестве меры национальной обороны или для передачи срочных новостей. Цивилизация амореев, отраженная в языке, на котором они писали, представляла собой смесь аморейских, хурритских и вавилонских элементов.

³⁰ А. Клей в труде *The Land of the Northern Semites* утверждает, что культура семитских вавилонян если и не зародилась, то по меньшей мере долго развивалась в земле амореев, что амореи обладали обширной империей уже в 4-м и 5-м тысячелетиях до н. э. и что общепризнанная теория аравийского происхождения семитов абсолютно безосновательна, однако его тезисы не нашли подтверждения.

Клинописная табличка Яхдун-Лима, отца Зимри-Лима, найденная в царском дворце Мари

На этих табличках Халабу (*араб.* Halab, Халеп, или Алеппо) предстает как столица Ямхада³¹, Губла (Джебейль, Библ) – как центр по производству одежды и обуви, Катана (позже

³¹ У его царя Ярим-Лима было аморейское имя.

Катна, современная Аль-Мушрифа северо-восточнее Химса) – как важный центр, а Харрану (*араб.* Harran, библейский Харран) – место одной из остановок Авраама, шейха кочевников, на его пути к основанию еврейского народа в Палестине – как аморейского княжества. Фактически документы показывают, что все эти города были центрами аморейских династий или находились под властью аморейских правителей, и не только это, но еще и то, что примерно за 1800 лет до н. э. практически во всем регионе от Средиземного моря до Эламского высокогорья господствовали аморейские цари.

Царская инвеститура: царь Мари получает знаки власти от Иштар. Бородатая фигура царя, позади которого стоит богиня, левой рукой берет у Иштар жезл и кольцо, а правую воздевает в восхищении. На нем характерные для первой вавилонской династии тюрбан и одежда. Иштар предстает в своем военном аспекте, она вооружена, ее правая нога стоит на лежащем льве. Ей помогают бог и богиня, стоящие за ее спиной. Под ними две богини держат вазы, откуда изливается вода, в воде вверх-вниз плавают рыбы – тема плодородия. С правой стороны панели (на соседней странице) стилизованные деревья и животные и финиковая пальма

Имя правителя Библа Янтин-Амму позволяет предположить его аморейское происхождение; 'амму означает «клан».

Дворец Зимри-Лима, где были найдены таблички, состоял примерно из 300 комнат, украшенных искусными фресками на стенах с панелями, бордюрами и прекрасно выполненными фигурами людей и божеств, – одна из красот мира, как утверждает на табличке. Его площадь составляла более 6 акров (2,4 га), в нем были предусмотрены баня и туалет³². Две комнаты со скамьями и партами похожи на школьные классы. На одной из ярко раскрашенных картин изображен царь, который получает знаки своей власти от богини Иштар. Архитектура дворца и документы свидетельствуют о невиданном ранее развитии культуры, которая может поспорить с египетской и месопотамской.

В основе процветания страны амореев лежало отчасти ирригационное сельское хозяйство и отчасти торговые связи с соседями. От Александреттского залива, где море сильнее всего вторгается в сушу, до западного изгиба Евфрата – на расстоянии примерно 100 миль (160 км) – ландшафт образует естественный коридор между приморским и месопотамским регионами. Коридоры представляют важность для коммерческой географии, так и для истории идей; они дают направление процессу культурного слияния. Здесь множество преград в виде гор с севера и запада и пустыни с юга сходятся к одному расположенному в низине проходу, который открывает доступ к долине с одной стороны и к морю – с другой и потому получил уместное название Сирийская седловина. Седловина лежит у подножия Таврских гор и поэтому иногда называется «предгорьем». Это конечная точка линии сообщения, которая от Персидского залива идет вверх по Тигру к границам Ниневии и поворачивает на запад к сирийским морским портам, связывая Тель-Халаф, Харран, Мари, Алеппо и другие древние города. Именно на этой равнине начинается непрерывная история Сирии, в которой амореи выступают первыми представителями семитов. С тех пор вавилоняне, египтяне, ассирийцы, халдеи, персы и македоняне стремились каждый в свою очередь овладеть ею как транзитной землей. Ее травянистые равнины получают до 20 дюймов (508 мм) ежегодных осадков – достаточно для того, чтобы травы хватало на прокорм скота и проходящих караванов. После дождей отдельные ее части выглядят как поля для игры в гольф. Города ее орошались ручьями с Тавра и водами Евфрата.

На рубеже 2-го тысячелетия до н. э. ключевую роль в сирийских делах играл север, и амореи занимали в них первое место. Спустя век после середины этого тысячелетия акцент сместился на Центральную Сирию, где амореи по-прежнему находились в центре слбытий. Тем временем Египет, вступив на путь становления как империалистическая держава, взял под свою власть большую часть Сирии благодаря могучему мечу Тутмоса (умер в 1447 до н. э.) – Наполеона XVIII династии. Еще одна гигантская держава и соперник Египта нависала высоко над северным горизонтом, а именно хетты. Между ними оказалось аморейское государство или государства Центральной Сирии, которые, судя по таблицам из Тель-эль-Амарны, нашему важнейшему источнику, охватывали во времена своего зенита большую часть Северного Ливана, включая морское побережье, Полуую Сирию, восточный Ливан и Дамаск. Один из их династов Абдаширта, египетский вассал, врывается на страницы истории с письмом, составленным на плохом аккадском языке – лингва-франка своей эпохи – к фараону Аменхотепу III (умер в 1375 до н. э.). Начинается оно с принятых фраз, которые звучат рабски и сейчас вызывают у нас отвращение, но в то время входили в официальный протокол: «Царю, солнцу, моему господину, так говорит Абдаширта, твой раб, прах твоих ног. Семь раз и семь падаю у

³² На одной из табличек изображены две терракотовые ванны (одна для горячей воды, а другая для холодной) справа и уборная слева.

ног царя, моего господина. Вот, я слуга царю и пес в доме его, сторожащий весь Амурру для царя, моего господина».

На момент написания Абдаширты находился в завоеванном им финикийском городе Иркат³³, но столица его королевства, по-видимому, была в верховьях Оронта. Он помог хеттам завоевать Амки³⁴ и теперь пытался разыграть два конца против середины – на словах уверяя Египет в своей верности, по видимости содействуя наступающим хеттам, но на самом деле стремясь завоевать новые территории в своих собственных интересах. Один город за другим как во внутренних районах страны, так и на побережье оказывался в руках Абдаширты и его сына Азиру или опустошался ими и теми, кто преследовал с ними одни цели. Одних вассалов Египта они подкупили; от других избавились. Захватили Катну и Хаму, угрожали Уби (район Дамаска), а позднее взяли и сам Дамаск. Были оккупированы Арвад, Шигата, Амби, Аль-Батрун³⁵ и другие города побережья. Арвадяне, возможно из-за торгового соперничества с жителями Гублы, по-видимому, со времен Тутмоса были противниками Египта. Устояли только Симира³⁶, резиденция египетского наместника, да Губла³⁷, столица египетского союзника, ханаанея Риб-Адди, который также удерживал часть внутренних районов и претендовал на власть над побережьем вплоть до Симиры. Наконец сдалась и Симира, и у Гублы, отрезанной от внутренних районов и неспособной вести торговлю лесом с Египтом, не осталось сил для борьбы. Жалобы одна за другой – всего около пятидесяти – полетели от верного Риб-Адди к его владыке в Египет, сообщая о предательстве «пса» Абдаширты и Азиру и горячо умоляя о помощи, но все напрасно.

В какой-то момент Аменхотеп все-таки раскачался и послал отряд, а не армию во главе с самим собой, как поступил бы его предшественник Тутмос, которому удалось отвоевать Симиру и временно подавить мятеж, но с грозящей опасностью с севера в лице хеттского наступления он справиться не сумел.

Насильственная смерть Абдаширты убрала его со сцены, но пьеса осталась прежней. Его сын и преемник Азиру продолжал действовать в том же макиавеллиевском духе. Восшествие на престол Аменхотепа IV (Эхнатон, 1375–1358 до н. э.)³⁸ тоже ничего не изменило для египетской стороны, а может быть, и ухудшило ситуацию. Нового фараона явно больше интересовали религиозные реформы, чем защита царских владений.

Когда Азиру, его братья и союзники начали захватывать все больше городов, Риб-Адди стал слать фараону и его агентам вереницу новых сетований, выраженных на глиняных табличках клинописью: «Раньше при виде египтянина цари Ханаана бежали от него, а теперь сыновья Абдаширты потешаются над народом Египта и грозят мне кровавым оружием». В другом письме он жалуется на то, что сыновья Абдаширты отправили людей и начальников в землю Сури в качестве заложников³⁹. Уллаза, Ардата⁴⁰ и другие города вскоре оказались в

³³ RQT в египетских анналах, античная и современная Арка, примерно в 12 милях (19 км) северо-восточнее Триполи; упоминается в Быт., 10: 17; 1 Пар., 1: 15.

³⁴ Равнина между Антиохией и Аманосом.

³⁵ AR-WA-DA, SHI-GA-TA, AM-BI, BAT-RU-NA. Шигата – это не современная Загарта (Сагаратим в письмах из Мари), а Шакка, что севернее Аль-Батруна. Амби, Ампа у ассирийцев, Анафа у арабов, Нефин у крестоносцев, – это современная Анфа между Шаккой и Триполи. Батруна, греческая Ботрида, – это современный Аль-Батрун.

³⁶ Su-MUR, DMR в египетских анналах, античный Симирос, Цемарей в Быт., 10: 18, современная Сумра (южнее Тартуса), раскопана в 1956 г.

³⁷ Библейский Гевал («гора», до наших дней дошел как Джебейль), *егип.* KBN, KPN, KPNI, *греч.* Библос, *лат.* Библус, Библ.

³⁸ Религиозный новатор, он заменил культ Амона культом Атона (солнечного диска), соответствующим образом поменял свое имя («великолепие солнечного диска») и перенес столицу из Фив в Ахетатон, ныне местность Телль-эль-Амарна («холм Амарна» или, точнее, «Амарина», мн. ч. от [бану] амран – арабского племени, которое поселилось там в начале XVIII в.

³⁹ Knudtzon, № 108. В других письмах вместо Сури использованы формы SU-BA-RI, ZU-BA-RI. Эта местность тесно связана с Митгани в Северной Сирии, и, по мнению некоторых ученых, от этого названия происходит слово «Сирия».

⁴⁰ UL-LA-ZA, античная Ортосия, ныне Ард-Артуси, в устье Нахр-эль-Барид чуть севернее Триполи; AR-DA-TA – это

руках Азиру. Симира была захвачена вновь и разрушена, по его словам, дабы «она не попала в руки хеттов». А когда фараон потребовал отстроить ее, Азиру обещал выполнить приказ в течение года, так как он слишком занят тем, что обороняет царские города от хеттов. По той же причине, как он неоднократно объяснял по другим поводам, он не мог подчиниться и явиться в Египет к фараону, чтобы увидеть «прекрасное лицо моего владыки» и отчитаться в своих делах.

Однако в должный срок Азиру, получив от египетского агента клятву в том, что ему не причинят никакого вреда, отправился в Египет, а когда вернулся, без зазрения совести вновь присягнул в верности хеттскому завоевателю Северной Сирии Суппилиуму. Между тем Риб-Адди, который чувствовал себя «пойманным как птица в сети», впал в отчаяние. Он отослал свою сестру с ее детьми под защиту Тира, чей царь Абимилки не примкнул к недовольным династам и, подобно Риб-Адди, принялся слать горестные жалобы в Египет. Сам Риб-Адди позже бежал из Гублы в Бейрут⁴¹. Его жен и сыновей отдал Азиру. А когда и Бейрут оказался в опасности, он бежал дальше, в Сидон⁴², который, в отличие от его соперника Тира, объединился с амореями. И там-то рука Азиру наконец-то настигла его.

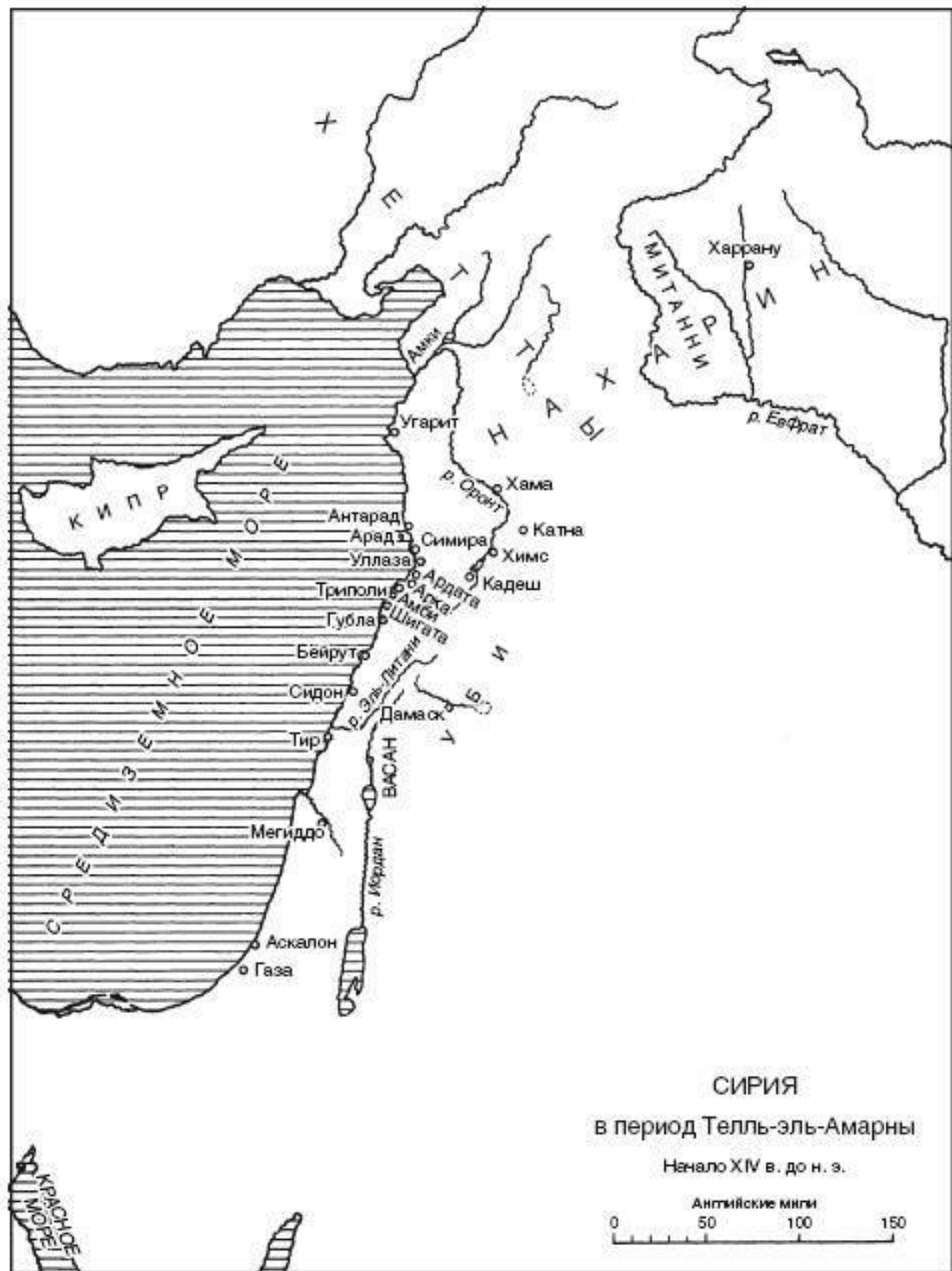
Таким образом, Египту пришлось уступить не только Северную Сирию, но и Финикию, бывшую для него важным источником сырья. Сирия и Палестина начали все сильнее расходиться.

Затем над амореями Центральной Сирии падает занавес, и фокус смещается южнее. Хетты укрепились в Северной и Центральной Сирии, а ближайшие преемники Эхнатона не вели серьезных военных кампаний. Письма из Телль-эль-Амарны показывают, что в то время как хетты оккупировали северную территорию, за южные границы вторглись новые орды – племена хабиру, очевидно пришедшие с арамеями, новыми семитскими кочевниками, из пустыни. Некоторые ученые отождествляют хабиру с SA-GAZ, наемниками в хеттской армии, служившими у Абдашарты. В одном из своих последних писем к Эхнатону Риб-Адди упоминает их: «С тех пор, как твой отец вернулся из Сидона, с того времени земли пали в руки Газ».

Ардат возле Загарты.

⁴¹ BE-RU-TA, египетское BI-'RU-TA, сегодня самый процветающий город среди всех вышеназванных; b'eroth означает «колодцы».

⁴² SI-DU-NA, назван в честь бога рыбной ловли и охоты.

Когда хабиру проникли в Палестину, они нашли ее занятой, по крайней мере частично, семитами, пришедшими раньше, амореями. Исторические связи между многими широко разбросанными во времени и пространстве царствами амореев и общинами в Сирии отсутствуют. Мы также не можем быть уверены, что переселение амореев на юг было массовым. Слово «аморей», как и «хетт», очевидно, со временем изменило свое значение и употреблялось в широком смысле. Возможно, на юге амореи принадлежали к правящему классу. Один из основных источников, которыми пользовались ветхозаветные историки и пророки, отводит им господ-

ствующее положение в доизраильской Палестине и изображает всех жителей горной местности и Трансиордании до прихода израильтян⁴³

⁴³ Потомки Израиля, то есть Иакова (Исх., 9: 7), внука Авраама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.